

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В.П. Астафьева
(КГПУ им. В.П. Астафьева)
Филологический факультет
Кафедра общего языкознания

Рябова Виктория Александровна

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

**Явление интертекстуальности в поэзии О. Мандельштама
(материалы для курса по выбору обучающихся 9 – 10 классов)**

Направление подготовки 44.03.05 педагогическое образование
(с двумя профилями подготовки)

Направленность (профиль) образовательной программы Русский язык и литература

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

И.о. заведующего кафедрой

кандидат фил. наук, доцент Тимченко А. Г.

Научный руководитель

доктор фил. наук, профессор Васильева С. П.

Дата защиты

Обучающийся Рябова В.А.

Оценка

Красноярск

2021

Содержание

Введение.....	2
Глава 1. Проблема межтекстовых взаимодействий в современной лингвистике.....	6
1.1.Определение термина интертекстуальности.....	6
1.2.Становление и разработка концепции интертекстуальности.....	11
1.3.Классификация межтекстовых взаимодействий. Лингвистический аспект.....	16
1.4.Исследования лирики Осипа Мандельштама в свете интертекстуальности.....	26
Глава 2. Реализация интертекстуальных взаимодействий в поэзии О. Мандельштама и античной культуры	29
2.1.Мифопоэтика Осипа Мандельштама.....	29
2.2.Интертекстуальные заглавия в поэзии Мандельштама.....	31
2.3.Интертекстуальные связи в сборнике “Камень”.....	35
2.4.Интертекстуальные связи в сборнике “TRISTIA”.....	43
2.5.Пиндаровский отрывок. Интертекст в стихотворении “Нашедшему подкову” (1923 г.).....	49
2.6.Интертекстуальность в сборнике “Воронежские стихи” (1935 - 1937 гг.).....	52
Глава 3. Разработка курса по выбору для обучающихся 9 - 10 классов	
Явление интертекстуальности в поэзии О. Э. Мандельштама.....	55
3.1.Пояснительная записка.....	55
3.2.Тематический план курса (34 ч.).....	60
3.3.Тематическое планирование по программе курса по выбору для 9 - 10 классов.....	65
Заключение.....	82
Список литературы.....	88

Введение

Высказывание известного французского писателя XVII века Жана де Лабрюйера, на наш взгляд, является точной характеристикой литературного процесса и возникающих в нём явлений: “Всё давно сказано, и мы опоздали родиться, ибо уже более семи тысяч лет на земле живут и мыслят люди. Урожай самых мудрых и прекрасных наблюдений над человеческими нравами снят, и нам остается лишь подбирать колосья, оставленные древними философами и мудрейшими из наших современников”.

Авторы на протяжении веков неоднократно обращались к опыту своих современников и предшественников, включая в тексты собственных произведений обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т.д. Иначе говоря, текст всегда подвергался различным влияниям, становясь динамическим коммуникативным пространством.

Интерес к данному феномену в различных сферах научного знания послужил толчком к становлению концепции интертекстуальности, выражающееся в наличии межтекстовых связей, благодаря которым тексты (или их части) разнообразными способами могут ссылаться друг на друга. Исследование этих связей вносит новые контексты в филологический анализ художественного произведения.

В настоящее время вопрос интертекстуальности относится к одной из наиболее актуальных и востребованных категорий современного гуманитарного знания, что обусловлено осмыслением и построением лингвистической модели, при которой картина мира воспринимается как дискурс. Это позволяет рассматривать общечеловеческую культуру как совокупность текстов, отсюда и возникают такие понятия, как культурный текст или интертекст (идеи М. М. Бахтина, Р. Барта, И.П. Ильина). Таким образом, современное гуманитарное знание базируется не только на антропоцентризме, но и на текстоцентризме (“вне текста нет ничего”).

По проблемам интертекстуальности уже написано немало работ (ср. работы И. П. Смирнова, Н. А. Фатеевой, Н. А. Кузьминой и др.), но данное явление, за счёт своей сложности и многогранности, по-прежнему привлекает к себе внимание специалистов разных областей знания. Наш интерес в этом вопросе основан на выявлении глубокой связи античного мира и поэзии русского символизма и акмеизма, в частности, лирики О. Мандельштама.

Современники не раз отмечали способность О. Мандельштама мыслить текстами. Его поэтическая речь насыщена эмоциональными определениями, номинациями культурных и исторических явлений, сакральными именами и санкционированной традицией (культурно-исторической, мифологической, философской и т.д.). О. Мандельштам находил вдохновение в общечеловеческой культуре, обращаясь к философам, литературоведам, критикам, писателям и поэтам для выражения собственных мыслей и идей. Трансформация уже существующего дискурсивного пространства является основой его поэтической картины мира. Таким образом, исследование всех мандельштамовских литературных и культурных источников становится важной предпосылкой для целостного и адекватного восприятия его поэзии.

Искусство, в известной степени, является рецепцией архетипичных мифов и образов, сохранившимися в человеческом мироощущении со времён античности. Древнегреческих героев можно встретить и в период Ренессанса и на Рубеже веков, и в постмодернизм. Каждая эпоха после привносила что-то своё, либо основываясь на старых традициях, либо разрушая их, но при этом всё также обращаясь за идеями к прошлому.

Миф в произведении может существовать в двух пластах: 1) в смысловом, когда связь обнаруживается после трактовки текста; 2) в языковом, т.е. существование в тексте “определённых маркеров, показателей текстового диалога — интертекстуальных единиц...”.

Для нас представляет исследовательский интерес второй пласт (уровень), так как является наиболее подходящим материалом с точки зрения лингвистического анализа.

В данном исследовании на примере лирики Мандельштама мы рассмотрим языковые уровни функционирования античного мифа с точки зрения категории интертекстуальности.

Актуальность представленной работы обусловлена выбором подхода к анализу мандельштамовских текстов и степенью разработки проблемы.

Литературоведы и лингвисты ставят перед собой различные цели в изучении интертекстуальности. Для первых представляет интерес смысловые особенности литературного текста, условия его прочтения и восприятия. Лингвисты же занимаются анализом вербальных носителей информации, непосредственным выявлением “чужого слова” на различных уровнях языка.

Предшествующие работы по теме исследования являются достоянием литературоведения и посвящены проблемам интерпретации символов и смыслов в поэзии О. Мандельштама.

Объект нашего исследования — семантические, формальные и функциональные особенности языковой категории интертекстуальности.

Предмет исследования — интертекстемы (интертекстуальные единицы), функционирующие в поэтическом языке О. Мандельштама.

Цель исследования заключается в комплексном многоаспектном описании античных мифологем в лирике О. Мандельштама с позиции лингвистического анализа интертекста.

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

- Дать определение понятию “интертекстуальность” и очертить круг проблем, связанных с ее изучением;
- Проследить становление и развитие теории интертекстуальности;
- Представить лингвистическую типологию интертекстуальности;
- Определить степень изученности предмета в научной литературе;
- Выявить и охарактеризовать интертекстуальные связи поэзии О. Мандельштама и античной культуры;
- Проследить объём включения интертекстуальных единиц, отсылающих к античной культуре, в разные периоды творчества поэта.

Методы и приемы исследования: метод сплошной выборки, сравнительный метод, описательный метод и интертекстуальный анализ текста, структурный и конструктивный методы.

Теоретическая значимость исследования заключается в следующем:

- В работе исследованы различные источники становления концепции интертекстуальности.
- Анализ интертекстем в текстах О. Мандельштама дан комплексно (источники интертекстем; языковые механизмы их становления; референциальная отнесенность интертекстем; их коммуникативные функции в языке).
- Описаны языковые уровни функционирования интертекстем.
- Исследование интертекстем мандельштамовской поэзии осуществлено с помощью лингвистического анализа.

Практическая значимость:

Материалы исследования могут быть использованы при дальнейшей разработке проблемы текста и дискурса в лингвистическом аспекте. В частности, результаты лингвистического анализа могут лечь в основу работ о поэтическом языке О. Мандельштама.

Возможно использование для создания спецкурсов по русскому языку и литературе как в школе, так и в высших учебных заведениях; для темы исследовательской деятельности учащихся; при глубоком изучении русского языка и литературы в школе и в вузах для лекционных курсов по лексике, словообразованию, синтаксису, стилистике текста, лингвокультурологии и т.д.

Дипломная работа состоит из введения, трёх глав, заключения и списка литературы.

Работа прошла апробацию 21 мая 2021 года на X научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры.

Глава 1. Проблема межтекстовых взаимодействий в современной лингвистике

1.1. Определение термина интертекстуальности

Говоря об интертекстуальности в широком смысле, а именно включая в это понятие такие формы, как пародия, плагиат, переадресация и т.д., то любой текст может быть рассмотрен как интертекст. Связано это в первую очередь с древнейшей практикой письма — любой текст сохраняет в себе черты окружающих его явлений, традиций и ценностей. Произведение не может быть создано независимо от того, что уже было написано, оно включает в себя определённые следы культурного кода, за счёт чего и создаётся диалогизация между текстами.

Термины “интертекстуальность” и “интертекст” вошли в словари гуманитарных наук в конце шестидесятых годов благодаря французскому семиотику и лингвисту Ю. Кристевой, занимавшейся исследованием теории Бахтина о полифонии.

В её первой работе 1967 года “Бахтин, слово, диалог и роман” рассмотрены некоторые ошибки формалистического подхода в изучении объекта исследования, главной из которой является явная зависимость формалистов от немецкой эстетики и неспособность преодолеть теоретический квиетизм, который во многом придавал их деятельности философско-созерцательный характер. Отсюда незавершённость мыслей и абстрактность понятий. Так, Бахтин, излагая свою концепцию, лишь наметил важную для постструктуралистов идею знаковости и дискурсивности текста.

В свете полифоничности он рассматривал теорию “чужого слова” и “диалогизации”. По его мнению, “всякое конкретное высказывание находит тот предмет, на который оно направлено, всегда уже оговоренным, оцененным. Этот предмет пронизан точками зрения, чужими оценками, мыслями, акцентами. Высказывание входит в эту диалогически напряжённую среду чужих слов, вплетается в их сложные взаимоотношения, сливается с

одним, отталкивается от других, пересекается с третьими” [Бахтин, 1975, С. 89 - 90]. Говоря иначе, высказывание, под которым Бахтин понимал не только текст, но и речь вообще, вступая в конкретное тематическое пространство, неизбежно соприкасается с “чужим словом” и носит активно-ответный характер. Таким образом, роль говорящего субъекта амбивалентна: он не только произносит реплики, но и отвечает на предыдущие. Последним шагом в этой гипотезе является утверждение о невозможности создать принципиально новое высказывание, оно всегда остаётся вторичным. Однако Бахтин не ставит вопрос о существовании некоего культурного текста, останавливаясь на взаимосвязи “авторского” и “чужого” слова.

Ю. Кристева развивает бахтинские идеи, вводя вместо “полифонии” понятие “интертекстуальности”, которое более точно описывает свойства текстов, выражающееся наличие диалогических связей между ними. Она утверждает, что любой текст есть сплетение мозаики цитат, результат переосмысления и трансформации уже существующих высказываний, что формирует продуктивно-деструктивные отношения со всем имеющимся литературным материалом [Кристева, 2004, с. 167]. Это обуславливает стирание границ между “своим” (“творческим”) и “чужим” (“цитируемым”) словом. Интертекстуальность таким образом это соотношение текстов и заложенных в них смыслов.

Формулировку новому понятию дал Ролан Барт: “Каждый текст является интертекстом: другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т.д. — все они поглощены текстом и перемешаны в нём, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний: она представляет собой общее поле анонимных формул,

происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек” [Барт, 1989, с. 418].

Приведённые трактовки в современной лингвистике относят к широкому подходу в изучении вопроса интертекстуальности. При таком взгляде картина мира представляется как дискурс, где реальность заменяется языковым высказыванием. Таким образом, вся человеческая культура может быть рассмотрена как определённый набор текстов, к которым обращается говорящий [Золотухина, 2008, С. 44 - 47].

Узкий подход включает в себя выделение в тексте интертекстуальных единиц, выражающих наличие диалогических отношений. Так Ю. П. Солодуб понимает данное явление как “связь между двумя художественными текстами, принадлежащими разным авторам и во временном отношении определяемыми как более ранний и более поздний” [Солодуб, 2000, с. 51].

А. К. Жолковский в работе “Блуждающие сны” определяет интертекстуальность как “отсылку от одного текста к другому” [Жолковский, 1994, С. 14]. Автор сводит данное явление к цитации, выделяя три типа: “нормальную”, биографическую и структурную.

В своей работе “Проблемы интертекстуальности” И. В. Арнольд под интертекстуальностью подразумевает “присутствие в тексте более или менее маркированных следов других текстов в виде цитат, аллюзий или целых вводных рассказов”, а также “диалог между литературными текстами” [Арнольд, 1992, С. 53].

Е. Е. Бразговская в работе “Текст в пространстве культуры” определяет интертекстуальность как “отношение текста к другим текстам, отношение текста как знака своего значения к другим текстам к как знакам своих значений”. Исследовательница расширяет границы интертекстуального анализа, подчеркивая, что с этих позиций должен рассматриваться не только литературный текст, но и “любой текст искусства музыкальный, архитектурный, живописный, пластический”, так как они все “имеют знаковый характер, существуют в едином культурном пространстве

человечества, могут называться текстами культуры и интерпретироваться с точки зрения интертекстуальности” [Бразговская, 2001, С. 5].

Существует круг лингвистов, которые не используют термины “интертекстуальность” и “прецедентный текст”. В работах таких ученых как А. Е. Супрун, З.Г. Минц, Е.А. Земская доминирует терминология другого типа.

А. Е. Супрун вместо понятия “интертекстуальность” вводит “текстовые реминисценции”, которые определяет как цитаты или отсылки на известные произведения в статье [Супрун, 1995, С. 17]. К реминисценциям исследователь относит цитаты, “крылатые слова”, отдельные определенным образом окрашенные слова, имена персонажей, названия произведений, имена их авторов, особые коннотации слов и выражений, прямые или косвенные напоминания о ситуациях [Супрун, 1995, С. 25].

З. Г. Минц в статье “Функция реминисценций в поэтике А. Блока” отождествляет термин “реминисценция” с понятием “цитата”, “чужое слово” [Минц, 1973, с. 394].

Е. А. Земская в статье “Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества” использует термин “цитация”, который отождествляет с созданием конструкций “текст в тексте”, ссылаясь при этом на Ю. М. Лотмана. Исследователь утверждает, что “подобные включенные тексты могут быть названы “прецедентными текстами”, так как они хорошо известны широкому кругу лиц, обладают свойством повторяемости в разных текстах” [Земская, 1996, С. 24].

Одна из современных трактовок интертекстуальности, принадлежащая А. В. Савченко, на наш взгляд наиболее полно передаёт суть феномена. Савченко указывает, что под интертекстуальностью следует понимать “такие текстообразующие элементы, которые имплицитно или эксплицитно присутствуя в тексте, вызывают в сознании читателя дополнительные смысловые ассоциации, аллюзии, реминисценции и способствуют расширению смысловых границ текста” [Савченко, 2001, С. 155]. Это и создаёт двойственность заложенных знаков, которые могут быть прочитаны

различными людьми не тождественно, так как отсылаются к их индивидуальному опыту и эрудиции, вследствие чего выбор значений и смыслов приобретает субъективный характер. То есть, мы вправе говорить о генеративной природе феномена, о множественности и незавершённости количества интерпретаций.

Для современного гуманитарного знания интертекстуальность стала основной тексто и смыслообразующей категорией, способствующей целостному восприятию произведения и авторского стиля. Она охватывает различные текстовые уровни, является категорией его открытости, обладает смысловой незамкнутостью, процессуальностью конституирования смысла как его движения в культурной среде.

1.2. Становление и разработка концепции интертекстуальности

Задолго до теоретических обоснований концепции интертекста, учёные видели значимость в изучении проблем влияния одного текста на другой. Например, Аристотель полагал, что человек приобретает знания посредством подражания, а включение “чужого слова” в свой текст считал неотъемлемой частью произведения.

Исследования в области заимствования, на наш взгляд, можно считать истоками явления интертекстуальности, благодаря чему многие литературоведы и учёные обратили своё внимание на способы включения и функции предтекстов в произведениях художественной литературы.

Сформировавшаяся во второй половине XIX века, антропологическая школа предложила концепцию единства человечества и единообразия развития культур. Её представители (Э. Тейлор, Л. Фрэзер, Т. Вайц и Э. Лэнг) утверждали, что появление общих форм мифов, религий, обрядов основано на единой модели человеческого мышления и психики.

Схожесть сюжетов также рассматривала мифологическая школа, к которой относились Ф. В. Шеллинг, А. и Ф. Шлегель, В. и Я. Гримм, А. Кун, В. Шварц. Они выдвинули идею о том, что, создавая своё произведение, автор заимствует, осознанно или неосознанно, сюжеты и образы из мифологии. Но сама “теория заимствований” принадлежит Максу Мюллеру и Теодору Бенфей.

Основу изучения интертекстуальности в отечественной филологии заложил А. Н. Веселовский (1838 - 1906), который поставил перед собой задачу определение роли и границ предания в процессе личного творчества.

В противовес обобщающим методам в изучении литературы он выдвинул сравнительно-исторический подход, целью которого являлось изучение эволюции поэтического сознания и его форм в мировой литературе [Веселовский, 1940, с. 648].

Веселовский также выдвинул теорию о постоянстве форм, которые существуют в наследии мировой культуры. Только содержание обладает способностью к изменчивости, подстраиваясь под старые формы и модифицируя их в условиях новой исторической реальности. Это и есть наглядный пример развития интертекстуальности.

Следуя данной теории, А. Н. Веселовский пытался объяснить происхождение и развитие схожих сюжетов, опираясь на мифологическую теорию, теорию заимствования, этнографическую теорию, которые в той или иной форме продолжают свое существование по настоящее время.

Подобная постановка проблемы прослеживается и в научных изысканиях А. А. Потебни, которого в первую очередь интересовала связь языка и мысли. Заостряя внимание на поэзии Александр Афанасьевич утверждал, что поэтический образ неизменяемая составляющая любого лирического высказывания. При этом «создавая образ, художник не воплощает готовую идею, а, наоборот, идея «рождается» в образе и не может быть извлечена из него и сформулирована иными средствами [Потебня, 1976, с. 333]. Здесь мы видим прямую связь с теорией Веселовского о форме и содержании. В текстах мировой литературы всегда можно выделить неизменяемую и переменную составляющие, что легко соотносится с проблемой интертекстуальности.

В своей работе «О теории прозы» 1983 года В. Б. Шкловский практически дословно высказывает ту же мысль, что и А. А. Потебня, тем самым ещё раз подтверждая: «Поэтический образ неподвижен относительно к изменчивости содержания» [Потебня, 1976, с. 393].

Изучением данного вопроса помимо Шкловского в той или иной мере занимались все представители формальной школы [Ю. Н. Тынянов, Л. П. Якубинский, Р. О. Якобсон, Е. Д. Поливанов, Б. М. Эйхенбаум], идеи которых во многом созвучны с уже высказанной позицией А. А. Потебни. Тем не менее, особо следует отметить теорию эволюции Тынянова, которая своей спорностью привлекла к себе внимание других исследователей и внесла весомый вклад в развитие реинтерпретации расхожих сюжетов. По Ю. Н.

Тынянову существует исходная точка, способная к самоорганизации и находящаяся в постоянной динамике. Эволюция этой системы приводит к её смещению, что приводит к возникновению новых элементов вокруг уже имеющихся. Таким образом, образуется ядро и периферия. Ядро всегда остаётся неизменным в отношении периферии [Тынянов, 2002, с. 496]. Как мы видим, теория Тынянова перекликается с высказанными идеями его предшественников.

Ощутимый вклад в становление интертекстуальности внёс М. М. Бахтин. Ещё в ранних работах Бахтина наблюдается попытка постановки вопроса о схожих текстах, позднее вошедшие в теорию о “полифоничности” произведений мировой литературы, в которой учёный рассматривает понятие “чужого слова”. Высказывание, по Бахтину, не может существовать изолированно, оно всегда несёт в себе уже известные контексты и при этом никогда не повторяется. Актуальность и новизна любого даже цитатного текста заключается в его языковой прагматике, то есть воспроизведение чужого слова в своей речи обусловлено обстоятельствами времени, места, цели и авторского отношения к высказыванию.

В своей работе Бахтин также выдвигает идею о том, что не полифоничный текст лишается возможности претендовать на подлинное творчество. Новое слово является отзвуком старого, не имея возможности стать первым и оставаясь в позиции последующего высказывания. Данная гипотеза вносит определённое звучание в осмысление чужого слова, но дальнейшей разработки у Бахтина не получает. Тем не менее идея привлекла внимание постструктуралистов, в частности французскую исследовательницу в области лингвистики и семиологии, Юлию Кристеву.

В своих ранних публикациях по семанализу Кристева выдвигает ключевую для постмодернизма концепцию интертекстуальности, в свете которой картина мира представляется как дискурс, то есть текст, находящийся в процессе своего создания и развития, текст в действии [Барт, 1989, с. 448]. Исследуя работы Бахтина, она отмечает ограниченность его идеи сферой

литературы, когда как диалогизация происходит внутри языка и в языке реализуется. Именно ей принадлежит возникновение терминов “интертекстуальность” и “интертекст”, закрепившиеся в сфере гуманитарных наук.

Но направления, заданные Ю. Крестовой и западными постструктуралистами, отличаются от концепции Бахтина, основу которой можно метафорически сравнить с философской спиралью, тем, что реализуют модель “вечного возвращения” и выстраивают теорию интертекстуального дискурса.

Ю. Лотман, заметив эту специфику, органически соединяет идеи структуралистов с бахтинской традицией, прочитывая её в контексте структуральной поэтики. Ю. М. Лотман не использует термины “интертекст” и “интертекстуальность”, однако исследуемые им понятия “семиосферы”, “семиотического пространства” и “культурной памяти” непосредственно связаны с проблематикой интертекстуальности [Лотман, 1996, С. 5 - 6].

Следуя той же логике, Б. М. Гаспаров обходится без термина “интертекст”, но, по сути, работает в этой области. Им разработана лингвистическая теория интертекстуальности и введено понятие коммуникативного фрагмента [Гаспаров, 1996, С. 320]. Гаспаров стремился показать, как “чужое слово” реализуется в языковом пространстве и коммуникативной деятельности текста, отсылающие к речемыслительному опыту читателя.

Для общего обозначения множества типов реализаций межтекстовых связей Ю. Н. Карауловым в работе “Русский язык и языковая личность” введено понятие “прецедентного текста”, под которым подразумевается значимый текст сверхценного характера, и обращение к которому неоднократно возобновляется в дискурсе. По мнению Ю. Караулова, прецедентный текст может актуализироваться в коммуникативном пространстве в виде цитаты, заглавия, имени персонажа и имени автора, а знание прецедентных текстов — признак принадлежности языковой личности

к данной эпохе и ее культуре. По сути в современной лингвистике “интертекстуальность” и “прецедентный текст” родовые понятия.

Сложившаяся теоретическая база определила дальнейшие задачи исследования интертекстуальности как необходимость её типологизации. Этому посвящены работы Н. А. Фатеевой, М. Б. Ямпольского, А. К. Жолковского и других. Возможные классификации интертекста до сих пор остаются актуальным аспектом исследования.

Со временем, интертекстуальность и интертекст стали теми категориями гуманитарного знания, которые не определяются как исключительно художественные явления. В научной литературе закрепилось мнение о том, феномен интертекстуальности затрагивает также нехудожественные типы текста и дискурса [Чернявская 1999; Гончарова 2001 и др.]. Более того, вложенные постструктуралистами смыслы в понятие межтекстового диалога, в частности разработанные концепции Кристевой, Барта и Деррида, объявляют любой текст полем пересечения чужих дискурсов, а любое слово “палимпсестом”, то есть, словом, которое неизбежно “пишется” поверх уже существующего. Таким образом, явление интертекстуальности затрагивает любой вид дискурса и текста. В этом случае, правда, велика вероятность того, что предмет анализа “растворится” на фоне выявления гетерогенных следов интертекста, что лишает смысла исследования проблемы.

1.3. Классификация межтекстовых взаимодействий.

Лингвистический аспект

Маркеры и индикаторы интертекста могут быть представлены имплицитными и эксплицитными связями. В последнем случае это отмечается особым типографическим кодом, а также семантически посредством упоминания автора и его произведения. Прямое отсылание читателя к источнику не требует от того наличие определённых знаний, но даже при такой маркированности воспроизведение “чужого слова” по своим семантическим и функциональным свойствам сложнее исходного.

Имплицитные интертекстуальные отношения непосредственно воздействуют на память и воображение читателя, оставляя за ним возможность самостоятельно уловить связь между упомянутым предметом высказывания и тем, о котором ничего не говорится, но представление о нём возникает благодаря существованию этой связи.

Таким образом, на первый план выходят смысловые особенности текста и условия его восприятия. С этой позиции интертекстуальность предстаёт как многогранное явление, включающее в себя лингвистические, философские, социологические, психологические, культурологические и других аспекты, внутренняя природа которых изучена ещё недостаточно полно. Поэтому классификация и типологизация интертекстуальных единиц и межтекстовых отношений по-прежнему остаётся дискуссионным вопросом.

Ряд лингвистов в качестве основных языковых показателей текстового диалога выделяют *цитацию, аллюзию, референцию и стилизацию*, но реализация интертекстуальных единиц в тексте не ограничивается только этими категориями.

В своей работе “Функции реминисценций в поэтике А. Блока” З. Г. Минц описывает следующие возможные проявления интертекстуальности:

1. Собственно цитата — точное воспроизведение “чужого слова”;
2. Перефразировка исходного высказывания;

3. Сокращенные знаки, указывающие на присутствие в тексте “чужого слова” и отсылающие к первоисточнику.

Третья группа делится З. Г. Минцем на несколько подгрупп:

- “имена”, под которыми автор рассматривает не только собственные имена героев, но и “все имена художественного текста”;
- художественные предикаты (слова и словосочетания, указывающие на сюжетные или иные отношения между “именами художественного текста”);
- атрибуты (перенос из какого-то текста любых признаков имен);
- “мифемы” (вся сюжетная ситуация в свернутом виде).

П. Х. Тороп в статье “Проблема интекста” рассматривает соотнесение одного текста с другим как метакоммуникацию, в процессе которой создаются метатексты. Первоисточник в этом случае становится основой новой ткани произведения. Для интерпретации языкового выражения “чужого слова” следует отталкиваться от функций, которыми автор наделяет его в собственном тексте, и определить актуальность связи с исходным материалом.

П. Х. Троп также вводит понятие “интекста” — семантически насыщенная часть текста, функции и смыслы которой определены двойным описанием. Отталкиваясь от этого исследователь создаёт классификацию интекста, уделяя особое внимание способам примыкания метатекста к архитектуре (полимистический или утвердительный), уровень примыкания (явный или скрытый) и фрагментарность или целостность примыкающего текста.

Наиболее общая классификация межтекстовых отношений принадлежит Ж. Женетту. В книге “Палимпсесты: литература во второй степени” в свете концепции транстекстуальности исследователь представляет пять возможных типов взаимодействия одного текста с другим:

1. “Соприсутствие” в одном тексте двух или более текстов (цитата, аллюзия, плагиат);
2. Паратекстуальность — отношение текста к своему заглавию, эпиграфу или послесловию;

3. Метатекстуальность — комментирующий или критический пласт, отражающий процесс осмысления, понимания и интерпретации воспроизводимой информации;
4. Гипертекстуальность — отношение возникающее при пародировании или высмеивании другого текста;
5. Архитекстуальность — жанровая связь текстов [Женетт, 1982, с. 470].

Впоследствии предложенные пять типов межтекстовых взаимодействий исследователь делит на многочисленные подклассы и типы и прослеживает их взаимосвязи, что, по мнению ученых, создает на первый взгляд внушительную, но трудно реализуемую на практике анализа структуру.

Смирнов характеризует цель интертекстуального анализа, как определение авторской позиции, занимаемой относительно используемых источников “чужого слова”. Исследователь рассматривает специфику феномена в трёх аспектах [Смирнов, 1995, С. 11]:

1. Идеологическом, под которым он понимает трансформацию темарематических связей антецедентов — предшествующие высказывания, поясняющее значение настоящего;
2. Семиотическом, то есть трансформацию знаковореферентных (воспроизводимых и сопоставляющих) связей антецедентов;
3. Коммуникативном, то есть те приёмы, посредством которых автор отсылает читателя к трансформированным в своём тексте источникам.

Представленные классификации носят обобщённый характер без указания на ряд других возможных комбинаций и признаков межтекстовых отношений. Художественное произведение не сводится только к внутренней амбивалентности, оно также охватывает и то, что находится вовне. По Жолковскому, текст “предстает как комплекс акций” [Жолковский, 1992, С. 4], которые направлены на явления жизни и искусства, что создаёт дополнительное множество контекстов и смыслов. Таким образом, произведение может отсылаться к культурным и историческим процессам

общества, апеллируя известными символами или закреплёнными речевыми формами.

Опираясь на уже известные классификации интертекстуальности, Н. А. Фатеева в работе “Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи” выделяет особые случаи межтекстовых взаимодействий:

- I. Собственно интертекстуальность, образующая конструкции “текст в тексте”.

Этот пункт включает в себя:

1. Цитаты с атрибуцией (пояснением). Используя данный приём, автор не только объясняет причины обращения к цитируемому фрагменту, но и сопровождает эту цитату собственной оценкой и эмоциональным отношением к ней.

Фатеева выделяет следующие разновидности атрибутированных ссылок:

- цитата с точной атрибуцией и тождественным пояснением образца;
 - цитаты с точной атрибуцией, но не тождественным воспроизведением образца (сокращение исходного текста, изменение порядка слов и грамматических категорий);
 - атрибутированные переводные цитаты (могут раскрываться отсылкой автора в тексте примечаний или комментария, что является разновидностью метатекста);
2. Цитаты без атрибуции;
 3. Аллюзии — отсылки, намёк на общеизвестный факт, сюжет или фразу, лишённые буквальности и эксплицитности.

Аллюзии возникают на основе различных мифов, фольклорных и религиозных текстов, произведений искусства и мировой литературы, с помощью которых автор выражает идеалы и настроение своей эпохи. Целью таких интертекстуальных отношений является конструирование нового смысла и соотнесение широко известной мысли с собственной речью.

Аллюзии как и цитаты могут быть *атрибутированными* или *неатрибутированными*;

4. Целостные тексты, состоящие из аллюзий и цитат, но не в виде отдельных “интертекстов”, а синтезируемые в некий иносказательный язык, внутри которого литературные ассоциации определяют семантические связи.
- II. Отношение текста к своему заглавию, эпиграфу, послесловию, или паратекстуальные отношения:
1. Цитата-заглавие, как правило заключена в кавычки, представляет выдержку из классического произведения или текста- источника;
 2. Эпиграфы — разновидность прямой цитаты, но определена иными функциями.
- III. Пересказ с комментарием ссылки на предшествующий текст, или метатекстуальность:
1. Собственно пересказ;
 2. Вариации на тему предтекста, когда строка или несколько строк произведения становятся импульсом для развертывания нового текста;
 3. Дописывание “чужого” текста, не сводится только к обработке и окончанию известного произведения, но и включает в себя способы и приёмы перенесение героев, композиционной схемы, манеры письма в контекст нового времени;
 4. Языковая игра с предтекстами (интертекстуальная игра может вестись на заглавии и на ключевых словах текста).
- IV. Пародирование или осмеяние другого текста, или гипертекстуальность, в основе которой заложены такие приёмы, как цитация, аллюзия, использование аллюзивных заглавий и имён собственных, пересказ и интертекстуальная игра.
- V. Жанровая связь различных произведений, или архитектстуальность.
- VI. Интертекст как троп или стилистическая фигура (сравнение, звукопись, эпитеты) [Фатеева, 1998, С. 18].

Таким образом, Фатеева в основу своей классификации включила, отмеченные Ж. Женеттом, типы межтекстовых отношений и принципы выделения уровней и способов примыкания, которые были описаны Тропом, развивая идеи категорий атрибутированности и неатрибутированности, имплицитности и эксплицитности, соотношение “своего” и “чужого слова”.

В своей работе “Текст в пространстве культуры” Е. Е. Бразговская концентрирует внимание на интертекстуальном знаке, который наделён функцией представления другого текста и свойством повторяемости, отражающей его в информационном пространстве. Исследователь настаивает на необходимости интерпретации любого знака и выделяет следующие его типы:

1. Символы;
2. Цитаты, аллюзии, имена собственные, указывающие на предтекст;
3. Терминологическая лексика, заимствованная из других видов искусств;
4. Возникающие в сознании читателя ассоциации, выходящие за рамки авторских смыслов или же не всегда с ними соотносимые;
5. Оказываемые другими текстами стилевые влияния на текст-реципиент;
6. Элементы фонового значения, или ассоциации, отражающие специфический национально-культурный характер. [Бразговская, 2001, с. 6].

По мнению Безрукова А. Н. сложность классификации интертекстуальных связей обусловлена их развёрнутой системой [Безруков, 2005, С. 44]. Нет необходимости заниматься подробным её описанием. Первостепенной задачей является качественный анализ текста, а для этого стоит сосредоточиться на рабочих приёмах интертекстуальной ситуации литературного текста. К ним Безруков относит:

1. Выявление источников заимствований;
2. Обозначение способов их реализации в тексте;
3. Установление процессуальной роли в структурировании и смыслообразовании;

4. Постигание генеративной природы и смыслового объема произведения. Безруков также называет следующие основные приёмы формального выражения интертекстуальности в современном гуманитарном знании:

1. Цитатный способ мышления;
2. Индивидуальный стиль;
3. Автобиографичность;
4. Внутренний монолог;
5. Диалогическое слово;
6. Лоскутное письмо;
7. Фрагментарный язык художественного произведения;
8. Авторский код;
9. Заимствование;
10. Фрагментарность;
11. Аллюзия;
12. Переработка тем и сюжетов;
13. Явная и скрытая цитация;
14. Коллаж (смесь цитат, документов, намеков, упоминаний о чем-либо);
15. Парафраза;
16. Перевод;
17. Подражание;
18. Плагиат;
19. Пародия;
20. Двойственность мысли;
21. Игра слов;
22. Инсценировка;
23. Экранизация и др.

В настоящее время наиболее актуальное представление о способах реализации интертекстуальности в художественном произведении принадлежит, по мнению Н. С. Болотновой, А. Д. Васильеву, который,

посредством прецедентных феноменов, выдвигает текстоориентированный подход в изучении данной проблемы.

В своём учебном пособии А. Д. Васильев приводит следующую классификацию возможных интертекстуальных единиц [Васильев, 2013, с. 342]:

1. Прецедентный текст — полипредикативная единица, являющаяся сложным и самодостаточным результатом речемыслительной деятельности. Сюда относятся тексты художественной литературы, тексты песен, реклама, любые публицистические тексты и т. д.;
 2. Прецедентное высказывание. По определению Д. Б. Гудкова это самодостаточная и законченная единица, значение которой не равно её смыслу, последний всегда шире. К таким продуктам речемыслительной деятельности могут быть отнесены цитаты из общеизвестного произведения и высказывания, которые в сознании современного читателя не имеют связи с каким-либо конкретным текстом;
 3. Прецедентная ситуация — реально произошедший факт, выполняющий в культурно-речевой практике функцию яркого примера для пояснений, так как окрашена определёнными коннотациями;
 4. Прецедентное имя:
 - индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом;
 - индивидуальное имя, соотносящееся с широко известной ситуацией;
 - имя-символ, обозначающее некую совокупность индивидуальных качеств, признанных эталоном;
1. Аллюзии;
 2. Цитаты;
 3. Квазицитаты — сохранение той доли достоверности, которая помогает уловить обращение к “чужому слову”, но трансформация и изменение общего смысла для выражение собственного коммуникативного намерения;
 4. Самоцитаты;

5. Реминисценции.

Лингвистическая классификация интертекста Н. С. Олизько представляет способы включения интертекста (эксплицитно-маркированный, эксплицитно-немаркированный, имплицитный и ассоциативный) и типы включений (упоминание, цитата, квазичитация, аллюзия, реминисценция, продолжение, текстовая реминисценция-дайджест) [Олизько, 2008, С. 28 - 30].

Л. Женни подробно рассматривает виды сохранения и изменения языковой формы источника, в том числе и текстовой, в которую включает следующие приёмы:

1. Парономазия (реминисценция, сохраняющая языковой строй источника);
2. Эллипсис (усеченное воспроизведение источника);
3. Амплификация (дальнейший вывод из виртуально присутствующих в источнике значений);
4. Гипербола (трансформация смысла источника путем перевода в Превосходную степень качества);
5. инверсия (изменяет порядок и ценностный ранг элементов источника, например, при пародировании);
6. Перенесение семантической схемы источника в иной контекст [цит. по: Олизько, 2008, С. 21 - 22].

На наш взгляд, не следует акцентировать внимание на различных следах гетерогенности текста, так как они не приносят новых аналитических смыслов. Сужение же аспектов интертекстуальности оставляет исследователю одни только имплицитные формы, которые обычно рассматриваются вне всякой связи с автором и историей. Для интертекстуальности с позиции лингвистического исследования значимым является: 1) языковые формы присутствия текста в тексте, характер отношений между ними; 2) семантические; 3) текстообразовательные функции интертекста; 4) участие в процессе кодирования и декодирования текста [Аксенова, 2013, С. 3].

Таким образом, интертекстуальность в современной лингвистической науке понимается как место пересечения текстовых плоскостей. Проблема интертекстуальности тесно связана с давно изучающейся в литературоведении проблемой источников, влияний и подражаний, но не сводится к ней. При исследовании межтекстовых связей следует подходить к тексту не с точки зрения замысла автора, а с точки зрения того, что попало в текст, что увидят в нем читатели и какие ассоциации эти включения могут в нем вызвать.

1.4. Исследования лирики Осипа Мандельштама в свете интертекстуальности

Первые исследования поэзии О. Мандельштама через призму категории интертекстуальности были предприняты К. Ф. Тарановским и О. Роненом.

В своей статье “Очерки о поэзии О. Мандельштама. Концерт на вокзале” известный филолог-славист, стиховед и последователь русской “формальной школы” К. Ф. Тарановский рассматривает контексты и подтексты “чужого слова” в творчестве поэта, устанавливая их первоисточник [Тарановский, 2000]. Он отмечает, что Мандельштам не был подражателем, но умело использовал реминисценции или же прямые цитаты в своих произведениях, придавая им новое качество. На примере анализа стихотворения “Концерт на вокзале” Кирилл Фёдорович показывает, как работает метод включения текста в более широкий контекст и выявление его связи с исходным материалом.

Омри Ронен в сборнике статей “Поэтика Осипа Мандельштама” с помощью метода исследования межтекстовых связей в применении к анализу поэтических текстов особое внимание уделяет выявлению этих связей, на способах их реализации в поэтическом пространстве и на функциональных возможностях интертекста [Ронен, 2002].

В отечественной науке исследователями, которые рассматривают лирику Мандельштама в общекультурном контексте являются М. Л. Гаспаров и С. С. Аверинцев. Гаспаров, опираясь на методологию школы Тарановского, обращает внимание на интертекстуальные связи в мандельштамовском творчестве, акцентируя внимание на то, как в поэтическом пространстве происходит переключка между разновременными эпохами и культурами. “Поэт и культура”, — главная тема его размышлений по поводу Мандельштама. М. Л. Гаспарова, по сути, рассуждает о развитии представлений поэта об общечеловеческой культуре [Гаспаров, 1995, с. 478].

С. С. Аверинцев рассматривает психологические мотивы в творчестве поэта, также вносит вклад в решение задачи реконструкции мандельштамовской концепции культуры [Аверинцев, 2002, С. 287 - 298].

Л.И. Донецких в своей статье “Поэтика О. Э. Мандельштама через призму интертекстуальности” анализирует семантико-стилистические функции эллинизмов и их проявление на различных уровнях текста — содержательным, лексическим, стилистическим и др. [Донецких, 2012, С. 8 - 17].

Т.Л. Ревякина, выдвигая положение об эстетической значимости межтекстовых связей, описывает интертекстуальные единицы лирики Мандельштама с позиций лингвопоэтического дискурса [Ревякина, 2014, с. 5].

Диалектическое единство целостности и внутренней подвижности, динамичности поэтического мира О. Э. Мандельштама исследует Бреева Т.Н [Бреева, 2013, с. 136].

С. М. Пронченко исследует ономастический аспект лексической структуры художественных текстов поэта, где рассматривает имена собственные, как важную характеристику идиостиля Мандельштама [Пронченко, 2006, с. 6].

П. А. Становкин описывает специфику регулятивных моделей интертекстуального типа в лирике О. Э. Мандельштама, дается их типология. Исследование выполнено с опорой на теорию регулятивности, разработанную в коммуникативной стилистике текста [Становкин, 2017, с. 188].

В своей статье “Парадигматика интертекстуальности как взрыв линейности текста” Лобков А. Е. на примере стихотворения Мандельштама “И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьей гаме...” прослеживает работу “чужого слова” [Лобков, 2010, с. 243].

Представленные исследования в основном затрагивают литературоведческие аспекты интертекстуальности, с позиций которых приводятся возможные интерпретации для выявления значимых поэтических символов и подтекстов. Мандельштамизация с появлением концепции

интертекстуальности приобрело новые смыслы и ушло в глубокое изучение поэзии и прозы О. Э. Мандельштама, став экспериментальной площадкой для различных парадигм и технологий филологического анализа. В данной работе мы постараемся уйти от распознавания литературного интертекста в сферу лингвистических аспектов исследуемого вопроса с целью обнаружения вербальных средств выражения межтекстового диалога в лирике О. Э. Мандельштама.

Глава 2. Реализация интертекстуальных взаимодействий в поэзии

О. Манделштама и античной культуры

2.1. Мифопоэтика Осипа Манделштама

Авторы на протяжении веков неоднократно обращались к опыту своих современников и предшественников, включая в тексты собственных произведений обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т.д. Иначе говоря, текст всегда подвергался различным влияниям, становясь динамическим коммуникативным пространством.

Интерес к данному феномену в различных сферах гуманитарного научного знания послужил толчком к становлению концепции интертекстуальности, выражающееся в наличии межтекстовых связей, благодаря которым тексты (или их части) разнообразными способами могут ссылаться друг на друга.

Истоки теории интертекстуальности уходят своими корнями в период существования древнего мира. Например, Аристотель, а вслед за ним и Платон, полагали, что человек приобретает знания посредством подражания, а включение “чужого слова” в свой текст считали неотъемлемой частью произведения. Основываясь на подражании и одновременно его преодолении, в эпоху эллинизма обозначилась новая концепция творчества, которая затем укрепилась и в средневековье: искусство стало мыслиться не только как воспроизведение единичных предметов, но и в качестве “восхождения” к неким универсальным сущностям, бытийным и смысловым. Вполне закономерно, что одной из таких универсалий стал сам античный мир. Культура, искусство, архитектура Древней Греции и Рима нашли своё воплощение в литературе разных периодов и направлений, каждое из которых частично перенимало эстетические взгляды другого.

Для многих художников создание межтекстовых диалогов становится важным поэтическим принципом, одним из них является О. Манделштам

представитель так называемой “семантической поэтики”, ориентированной на “открытость” текстам мировой культуры.

Поэт точно уловил дух своей эпохи, который заключался в необходимости нового прочтения готического средневековья, мифологической культуры античности и т.д. Анализ исторического значения определённых текстов, их осмысление и сближение с новым обществом и новым читателем является одним из принципов философско-эстетической позиции Мандельштама.

Его концепция культуры становится для него материальным выражением истории, объединяющим, хотя и не связанным формально, но внутренне слитые разновременные пласты. Так в мандельштамовской поэзии возникает некое замкнутое в себе историческое пространство (берётся событие, отражённое в мифе или литературе, в одной точке, на одной линии, независимое от проблемы пространственно-временных связей), единое мировое событие, независимое от отдалённости во времени, принципиально не приуроченное к историческому моменту, составляющее систему перекликающихся мотивов. Поэтому Гомер соединяется с сиюминутной обыденностью, Ая София и Петрополис с сегодняшним днём. Таким образом, культура для Мандельштама вне историческая целостность, что объясняет наличие в его поэтическом языке разновременных дискурсов от античной эпохи до современных ему общественных явлений.

Отталкиваясь от символистского мифа, поэт обращается к анализу поэтического акта, главенствующую роль в котором занимает живое слово. Язык в понимании Мандельштама есть основа поэзии, её смысловая материя, порождающая образ мира и его судеб. Это не столько форма, сколько содержание литературы. В учении о поэзии и прежде всего о поэтическом слове у Мандельштама существует важнейшее понятие, связывающее в единство поэзию и культуру — эллинизм. Это понятие намного шире представлений об античных стилизациях, так как поэт вкладывает сюда также принцип свободного и полноправного проявления творческого начала.

2.2. Интертекстуальные заглавия в поэзии Мандельштама

Одним из немногих способов вхождения в античный дискурс у Мандельштама выступают антропонимы и топонимы, используемые в качестве заглавия, а также номинации произведений на латинском языке. Последний случай считаем нужным аргументировать, чтобы указать на связь с предметом нашего исследования.

Несколько столетий назад латынь была языком науки, философии, медицины, религии юриспруденции, а также литературы множества народов Европы. Однако и сейчас значительное известных нам понятий имеют латинское происхождение. Но на этом достижения римлян не заканчиваются. Их успех в художественном слове, архитектуре и искусстве невозможно оценить. Эстетический интерес к римскому наследию находит своё отражение в творчестве множества авторов различных эпох, для которых латинский язык не только форма, но и содержание. Язык сам по себе является и поэтическим представлением мира и отражением действительности, то есть мы вправе считать латынь маркером римской культуры. Таким образом, эллинизм в поэзии Мандельштама может выражаться через употребления иного языка, отсылающего к античному дискурсу.

Всего нами насчитано семнадцать интертекстуальных заглавий, в большей своей части содержащие эллинские онимы.

Небольшую группу составляют стихотворения с латинским заглавием: “*Silentium*”, “*Tristia*” и “*Ubi bene, ibi patria*”.

“*Silentium*” переводится как “молчание”, “безмолвие”, реализует античный дискурс через связь с содержанием. То есть само название хотя и несёт в себе связь с эллинским наследием посредством употребления латыни, но говорить о конкретных мифопоэтических элементах мы можем только после ознакомления с текстом произведения. При рассмотрении номинации стихотворения непосредственно с его содержанием, нами отмечена связь

мандельштамовского первобытного “безмолвия” с философскими учениями Гераклита. В его трактате “О природе” мир выступает как упорядоченный космос, подобную мысль мы наблюдаем и у Мандельштама, который в первооснове всего живого, в его спокойном существовании видит гармонию природной красоты. Конечно же нельзя отрицать влияние и других источников на поэтическую мысль Мандельштама, а именно претекстов Ф. И. Тютчева “*Silentium!*” и Поля Верлена “*Art poétique*”, но они не имеют отношения к предмету нашего исследования, поэтому мы не считаем целесообразным останавливаться на анализе их взаимосвязи.

Заглавие второго сборника Мандельштама “*Tristia*” в переводе с латинского означает “Скорбные элегии” и очевидно является аллюзией на Овидия, образуя интертекстуальную связь с одноименной овидиевской книгой, которую древнеримский поэт написал во время своего десятилетнего изгнания. Диалог между текстами в основном прослеживается на мотивном уровне. Например, в обоих сборниках можно выделить такие мотивы, как мотивы зимы, движения корабля в стихийных бедствиях, мотив дикарства, потерянной любви, двойного бытия, мотив изгнания и мотив творца/творения. В дальнейшем Мандельштам обратится к одной из главных овидиевых тем в своих “Воронежских стихах”. Тема изгнания у обоих поэтов сопряжена с творческим соперничеством с государственным устройством в лице вождя и императора и обусловлена их внутренним ощущением в период ссылки.

Заглавие стихотворения “*Ubi bene, ibi patria*” является прямой цитатой. Это латинское выражение, означающее “Где хорошо, там (и) родина”. Из более известных высказываний соотносится со словами Цицерона в его работе об этике “Тускуланские диспуты”: “*Patria est ubicumque est bene*” (лат. “Родина всюду, где хорошо”), но может иметь и другие первоисточники. Так эта же фраза встречается в комедии Аристофана “Плутос”: “Родина — всякая страна, где человеку хорошо”. В своей трагедии “Тевкр” древнеримский поэт Марк Пакувия, видимо цитирующий Цицерона, употребляет то же выражение.

Ещё одной цитатой, выступающей в качестве заглавия, становится почти дословный перевод Еврипида. Хотя многие исследователи придерживаются мнения, что стихотворение “Как этих покрывал и этого убора...” Мандельштам открывает цитатой из Расина, мы всё же настаиваем на сходстве с античным первоисточником, так как обращение к словам французского драматурга лишь способ включения в текст образов поздней греческой трагедии о Федре. Язык и композиционные особенности стихотворения архетипичны и потому наиболее приближены к еврипидовской поэтике.

Отдельно необходимо выделить заглавие двух стихотворных шуточных циклов “Антология античной глупости”, в которых Мандельштам искажил и спародировал античные эпиграммы.

Оставшиеся наименования можно разделить на две группы:

1. Заглавия с антропонимами:

- “Бессонница. Гомер. Тугие паруса”;
- “Я не увижу знаменитой — Федры...”;
- “Когда Психея — жизнь спускается к теням”;
- “Катится по небу Феб”;
- “Я вскормлен молоком классической Паллады”;
- “Сын Леонида был скуп”;
- “Лесбия, где ты была?”;
- “Наташа спит. Зефир летает”.

В этих номинациях Мандельштам использует прецедентные имена известных мифических персонажей и исторических личностей, с помощью которых входит в пространство античного дискурса.

2. Заглавия с топонимами:

- “Поговорим о Риме — дивный град”;
- “Природа — тот же Рим и отразилась в нём”;
- “Мне Тифлис горбатый снится”;
- “Когда держался Рим в союзе с естеством”.

Топонимы в поэтическом пространстве Мандельштама выполняют схожую с антропонимами функцию. Главная их особенность заключается в том, что они соотносятся с современным поэту Петербургом, который следует их судьбе и в котором реализуются мифологические ситуации, персонажи, образы, символы.

Заглавия-интертексты системно появляются в сборниках О. Э. Мандельштама и выполняют текстообразующую функцию, регулируют познавательную деятельность читателя, расширяют семантику текстов, включая их в широкий культурный диалог.

2. 3. Интертекстуальные связи в сборнике “Камень”

Для первых сборников Мандельштама характерно использование мифопоэтических образов и сюжетов, а также прецедентных имён и текстов, отражающих античный дискурс в его поэзии. Это объясняется его увлечённостью данной темой в ранние годы своего творчества, что не могло не повлиять на мировоззрение молодого поэта. Мандельштам хорошо знал эллинскую культуру, о чём мы можем судить исходя из того, как органично и естественно вплетаются в его язык классические образы. Для него сам русский язык являлся глубоко эллинистическим. Поэт считал, что эллинская культура, уступив на Западе другим влияниям, устремилась в лоно русской речи, сообщив ей самобытную тайну эллинистического мировоззрения. Поэтому и природа русского языка заключается в ясности и прозрачности мысли, поскольку язык — это не просто слово, но и сам акт творчества, само название и познание мира. Это ещё одна причина, по которой мы обнаруживаем следы античных мифологем в творчестве Мандельштама.

Сборник “Камень” содержит в себе двадцать шесть стихотворений с различной степенью интертекстуальных связей.

Стихотворение “Silentium” основано на греческом мифе о рождении Афродиты, но здесь мы можем наблюдать парадоксальность известного образа за счёт введения Мандельштамом идей Гераклита о первобытном безмолвии. Прецедентное имя в этом стихотворении входит в круг новых смыслов. Ещё нерожденная Афродита является метафорой только возникающего чувства любви, круг которого образуют тематические группы слов связанные со спокойствием, молчанием, первоосновой жизни. Нерождение и безмолвие мифической богини говорит об обратном течении времени, о возвращении к первоначальному — космосу. Так реализуется реминисценция на философские идеи Гераклита, которым космос рассматривается как внутренний противоречивый поток, созидающий все сущее на основе всеобщего закона необходимости — “Логоса”. Логос в переводе с греческого может означать

как разум, так и слово. Оба значения в своеобразном синтезе также используется Мандельштамом: *“она и музыка и слово”*, *“слово, в музыку вернись”*. Возможно, не каждый читатель заметит в подобных конструкциях наличие античного дискурса. Обращение поэта к мифу об Афродите и желание вернуться к первооснове, создают ассоциацию с дионисийством, где той самой первоосновой является стихия музыки, первобытный хаос.

В стихотворении *“Отчего душа так певуча...”* воссоздан один из самых важных образов эллинской культуры для рубежа веков — Орфей. Мандельштам, как и многие его современники, видит в этом образе движущее мир творческое Слово, т.е. Логос. Обращение к Орфею создаёт реминисценцию не только на миф об Орфее и Эвридике, но и образует магистраль античных тем в данном стихотворении. Например, *“отречение от ненужного я”* вновь возвращает нас к мотивам дионисийства, так как само прецедентное имя несёт в себе биографический факт отношения героя к музыке и поэзии. Стихотворение также содержит прецедентное имя римского аналога древнегреческого бога Борея — Аквилон, который как и Орфей у Мандельштама соотносится с музыкой и ритмом.

В стихотворении *“Старик”* встречается имя древнегреческого философа Сократа. Но наибольший интерес здесь вызывает третья строка первого четверостишия: *“Старик, похожий на Верлена”*. Выражение может выступать и как ассоциация и как аллюзия на Овидия. Мандельштам, конечно же, был знаком с творчеством П. Верлена, который в последние годы своей жизни проводил параллель между собой и римским поэтом, и использовал этот факт в качестве ещё одного способа включения в свой текст прецедентного имени.

Ассоциации с эллинизмом возникают при прочтении стихотворения *“Ахматова”*. Образ поэтессы сравнивается с негодующей Федрой, героиней еврепидовской трагедии *“Ипполит”*. Строки *“спадая с плеч, окаменела ложноклассическая шаль”* являются реминисценцией на слова Федры: *“Тяжело мне покрывало на голове, // Сними его, распусти волосы по плечам.”*

На это указывают пары онимов шаль — покрывало, с плеч — по плечам. Также у читателя может возникнуть ассоциация с античными статуями, что обусловлено языковой конструкцией данной строки. Слова “окаменела” и “ложноклассическая” создают образ скульптуры эпохи эллинизма с застывшей подвижностью и несвойственной для камня лёгкостью (на что указывает лексема “шаль”) и изяществом.

Первое римское стихотворение Мандельштама написано им в 1914 году — “Поговорим о Риме — дивный град!”. Уже в заглавии заранее даётся указание на вхождение в диалог с античной культурой. Но по смысловой наполненности произведение гораздо сложнее и отличается своей двуплановостью, которая проявляется в одновременном существовании языческого (“на Авентине вечно ждут царя”) и христианского (“*послушаем апостольское кредо*”, “*дванадцатых праздников кануны*”), дискурса. Рим в этом случае — скрещение культур, образец единства и целостности времени.

Помимо указанного онима, в этом произведении существуют и другие прецедентные топонимы: Авентина — один из семи холмов, на которых основан Рим, и Форум — площадь в центре древнего города, являющаяся его главным политическим и общественным местом.

Архаизм “дольний мир” обозначает мир под солнцем. У Мандельштама оно заменено луною, но тем не менее также образует эмблему вечности и репрезентирует в тексте устойчивое выражение “Вечный город Рим”.

Во многих своих произведениях Мандельштам сравнивает природу с искусством и культурой, противопоставляя или сближая их. Так в стихотворении “Природа — тот же Рим и отразилась в нем” 1914 года мы наблюдаем отождествление онимов природа — рим. Интересно то, что в этом тексте поэт имитирует неторопливый, размеренный ритм греческой и латинской поэзии.

В стихотворении “ENCYCLYCA” (с лат. папское послание “ко всему” миру) основной лексической доминантой снова выступает Рим в взаимосвязи с такими лексемами, как “свобода”, “святость”. Текстема определяется уже в

заголовке. *Encyclicā* — основной папский документ по тем или иным важнейшим социально-политическим, религиозным и нравственным вопросам. Это же обуславливает появление образа римского священника, зрение которого названо “орлиным”. В античном мире орлы были наиболее известными птицами. Это символ мощи и величия Вечного Города — Рима.

Во втором четверостишии сочетание восклицание “*In apostolico* *sonante: Roma!*” создаёт не только образ папы римского выступающего перед народом, но и сам Рим, являющимся этим народом. Написание онима “*Roma*” латиницей можно считать способом диалогизации с античной культурой, о функции языка мы уже говорили ранее.

В заключительном четверостишии Рим предстаёт как священное имя, которое лирический герой не перестаёт повторять. “*Вечный купол небес*” можно соотнести с понятием “Вечный Город” как с концептуальным синонимом.

Текстему святости образуют образ духа и священника в первом четверостишии, а также заглавие стихотворения, так как *Encyclicā* в некотором понимании является священной и неоспоримой догмой.

Во втором четверостишии появляется образ церкви и папы римского, представляющими в человеческом сознании символ святости.

В заключительном четверостишии присутствуют те же образы, включённые в контекст с помощью лексем “священный”, “купол”, “небеса”.

Можно говорить и о связи текстем святости и Рима, так как последний являлся священным городом. Именно здесь был возведён Собор Святого Петра.

Тема свободы символически обусловлена образами духа, орла, голубя и неба. Более всего текстемы свободы и Рима неразрывно связаны между собой. Рим с древности считался независимым и свободным государством, каким представлялся он и Осипу Мандельштаму.

В стихотворении проявляется концепт свободы, с которым в сознании поэта связан священный город Рим. Это мы видим через взаимную связь доминирующих лексем.

Символичность образов, характерная для ранней лирики О.Э. Мандельштама, создаёт пространство, в котором существует Вечный Город, воспетый духом свободы, где даже трусы и беглецы чувствуют себя в безопасности (в античном мире голубь символизировал трусость и слабость, противопоставлялся орлу; встречается в творчестве Гомера).

Топоним “Рим” является одним из постоянных образов в творчестве Мандельштама, встречающийся чаще всего с такими онимами, как “свобода” и “вечность”. Например, в стихотворении “Посох” тексты “свобода” и “истина” определяют путь лирического героя, который “развеселившись” направляется в Рим. На примере этого произведения хотим показать ещё один способ репрезентации античного дискурса в лирике Мандельштама, а именно, влияние читательского восприятия на формирование интертекстуальных связей. Заключительная строка данного текста включает в себя не только прецедентное имя, но и может выступать в качестве квазиреминисценции, т.е. неточного воспоминания об источнике прочитанного выражения. Восприятие читателя безусловно влияет на установление интертекстуальных связей между текстами. Например, субъективной квазиреминисценцией будет отождествление мандельштамовского “*Мне, увидевшему Рим*” с неточным цитированием Верлена “*Я видел Рим на рубеже упадка*”, когда в оригинале “*Я — Рим на рубеже упадка*”. Подобные реминисценции создают иные интертекстуальные связи, в этом случае у читателя возникает следующая логическая цепочка: Мандельштам — Верлен — Овидий (стихотворение Верлена отсылает к творчеству древнеримского поэта).

“Ода Бетховену” содержит прецедентное имя “Дионис”, обращение к которому вызывает реминисценции на мифы, связанные с этим древнегреческим богом, и вводит в круг идей философские мировоззрения дионисийского культа. Образует образ античного божества и дионисийство

как таковое следующий ряд онимов: “наивный”, “дитя”, “муж”, “благородный”, “чтили”, “огнепоклонники”.

Восхваление аполонистического начала можно обнаружить в стихотворении 1915 года “И поныне на Афоне”. Афон это гора в Греции, на которой расположен мужской монастырь. Возникновение горы по древнегреческому мифу связано с именем одного из фракийских гигантов, в честь которого она названа. Так выстраивается два пространства, с которыми Манедельштам вступает в диалог. Первое, это традиции монашеского уклада и легенды о монастыре, например одно из упомянутых поэтом *“Древо чудное растёт”*. Второе, мир античных богов и гигантов, реминисценции на известный миф об их противостоянии, которые возникают из-за смысловой нагрузки, отведённой ониму Афон.

В стихотворении “Бессонница. Гомер. Тугие паруса...” интертекстуальные связи обнаруживаются уже в первой строке произведения, в которую поэт вводит прецедентное имя и тем самым формирует смысловое содержание стихотворения. Отметим, что антропоним в этом случае также акцентирован с помощью парцелляции, намеренно задерживая внимание читателя и отсылая ни сколько к образу древнегреческого поэта, сколько к известным его произведениям. Конкретная ассоциация с текстом возникает при упоминании “тугих парусов” и “списка кораблей”.

Описание, характеризующее список кораблей, “сей поезд журавлиный” ассоциативно связано с плывущими птицами, затем устремляющимися в небо: “Как журавлиный клин в чужие рубежи”. Данная метафора употреблялась и Гомером. Пример тому можно найти в Песне третьей: *“Трои сыны устремляются, с говором, с криком, как птицы: // Крик таков журавлей раздаётся под небом высоким, // Если, избегнув и зимних бурь, и дождей бесконечных, // С криком стадами летят через быстрый поток Океана...”* (пер. Н. Гнедича). Похожие строки, используемые в отношении к ахеянам, есть и в Песни второй: *“Их племена, как птиц перелетных несчетные стаи, // В злачном Азийском лугу, при Каистре широкоотекущем, // Вьются туда и сюда*

*и плесканием крыл веселятся, // С криком садятся противу сидящих и луг
оглашают, — // Так аргивян племена, от своих кораблей и от кущей, // С
шумом неслися на луг Скамандрийский”* (пер. Н. Гнедича).

Следующее четверостишие содержит прямую аллюзию на миф о похищении Елены Парисом и историческое событие — троянская война. Поддержанию мифа способствует обращение к прецедентному имени, а также упоминание Гомера в начале произведения.

Аллюзия на исторический факт использована Мандельштамом в стихотворении “Обиженно уходят на холмы”. Через прецедентное имя Авентин и конструкцию “*Овечий Рим*” поэт вводит аллюзию на борьбу патрициев и плебеев. Это доказывает лексема борьбы (“*их тысячи — передвигают всё*”, “*побежали воинов палатки*”, “*висит руно*” — возможно аллюзия на гибель народа нуждающегося в Овечьем Риме или же концептуальный синоним к слову “жребий”) и противопоставленное ей буколистическое спокойствие (“*овечий рим с его семью холмами*”, “*собачий лай*”, “*костёр под небесами*”, “*горький дым жилища и овин*”).

Употребление прецедентного имени Авентин отсылает читателя к различным источникам, которые вступают в интертекстуальные отношения с данным текстом. Авентин — персонаж римской мифологии, сын Геркулеса и жрицы Реи. Также персонаж “Энеиды” Вергилия, где фигурирует как союзник рутульского царя Турна перед битвой с троянцами. Авентин является символом не только революции плебеев, но и важной фигурой в историческом процессе. Рим в связи с этим — метафора “могущества”, “власти”.

Диалогизация с Вергилием построена не только на основе этой поэмы, но также в стихотворение видны черты “пастушеской поэзии”, репрезентируются в тексте через онимы “овечий”, “шкура” и их инварианты. Это отсылает ещё к одному источнику — сборнику стихотворений Публия Вергилия Марона “Буколики”.

В 1915 году Осип Мандельштам написал стихотворение “С веселым ржанием пасутся табуны...”, являющееся, по догадке В. Терраса, “поток

сознания сосланного Овидия”. На это указывает мотив “изгнания” и автобиографические черты. В поэтической речи интертекстуальность в этом произведении представлена рядом прецедентных онимов: Цезарь, Капитолий, Форум, Август, Рим.

Метафора “*римской ржавчиной*” описание цвета пурпурной полосы, окаймляющей римские тоги, и императорского пурпурного одеяния; это также метафора распада древней цивилизации в ее последний римский период (как и противопоставление золоту “классической весны” в третьей строке) [Террас, 1995, С. 18].

2. 4. Интертекстуальные связи в сборнике “TRISTIA”

Картина мира в сборнике “Tristia” (1915 - 1921) претерпевает изменения, что обусловлено прежде всего тем, что поэзия О. Мандельштама этого времени становится историчной. В “Камне” доминировала характеристика времени — истории как “священной связи” одновременных событий и явлений, которая обеспечивает единство культуры и бытия. Теперь же события первой мировой войны и революции с их трагическим звучанием разрушают подобное восприятие мира.

Заглавное стихотворение сборника “Как этих покрывал и этого убора” начинается цитатой из трагедии Жана Расина “Федра”:

*“ — Как этих покрывал и этого убора
Мне пышность тяжела средь моего позора!”*

Но это также практически дословный перевод Еврипида:

*“ — Тяжело мне покрывало на голове,
Сними его, распусти волосы по плечам.”*

Через Расина Мандельштам обращается к первоисточнику мифа о Федре.

Последующие её реплики восходят к Еврипиду: “*О если б ненависть в груди моей кипела...*”. В французской трагедии таких слов нет, в отличие от античного источника. Это же относится и к строке “*Любовью чёрною я солнце запятнала...*”, что является свободным цитированием “Ипполита”. В стихотворении Мандельштама интертекст тесно связан с языковым составом произведения, которые также неоднократно воспроизводятся в тексте Еврипида — *беда, царское горе, покраснеют от стыда, в груди кипела — горит, с уст слетело и др.*

Античный дискурс в “Как этих покрывал и этого убора” также реализуется через прецедентность: топоним Трезен, антропонимы Федра и Ипполит.

Первые строки стихотворения “Зверинец” построены по принципу ассоциации. Так оним “мир” созвучен с “рим” и дальнейшая его

характеристика “в начале оскорблённой эры” создаёт аллюзию на Рим периода упадка и распада. Интересно то, что сама ассоциация возникает из-за слова “мир”, которое является ретронимом, то есть в обратном порядке образуется иное слово.

Последующий оним “эфир” выступает здесь в качестве видового понятия, которое Мандельштам поясняет как “воздух горных стран”. В Древней Греции эфиром назывался верхний слой воздуха или же место пребывания Богов.

Строка “козлиным голосом поют косматые свирели” аллюзия на сатиров — лесные козлоногие существа, изображаемые со свирелью.

Во второй строфе также содержится аллюзия на “Овечий Рим”, т.е. изображается вергилиевская буколическая картина мира, которую образуют лексемы “ягнята”, “волы”, “пастбища”, “дружелюбные орлы”.

Через прецедентное имя в строке “а ныне завладел дикарь священной палицей Геракла” и оним “дикарь”, ассоциирующийся в данном дискурсивном пространстве с плебейством, возникает аллюзия на миф о сыне Геракла — Гилле, не сумевшего вернуть свой род на землю отцов, на что указывает сочетание “земля иссякла”.

Интертекстуальные отношения с эллинской культурой “В разноголосице девического хора” 1916 года представлены через топоним “Акрополь” (верхний город в Афинах) и антропоним “Аврора” (древнеримская богиня зари).

Стихотворение “На розвальнях, уложенных соломой” Мандельштамом воспроизводится конструкция “Москва — третий Рим”, но поэт не соотносит город с древней империей. Использование прецедентного топонима “Рим” в этом случае образец низкого проявления античного интертекста и функционально наделено ролью сблизить образ Вечного Города с Петербургом. Чтобы показать их тождественность, в дальнейшем Мандельштам назовёт Петербург Петрополем. Первое стихотворение с употреблением данной номинации “Мне холодно. Прозрачная весна”.

Топоним Петрополь образуется по греческой языковой модели и даже ассоциативно соотносится с лексемой “Акрополь”.

“В Петрополе прозрачном мы умрём” Петербург аналогичен упадническому Риму. Этот мотив реализуется через противопоставление антропонимов “Прозерпина” (древнеримская богиня подземного мира) и “Афина” (древнегреческая богиня мудрости): “Здесь царствуешь не ты, а Прозерпина”. Царствование древнеримской богини над Петрополем аллюзия на распад Римской Империи. Та же тема отражена в стихотворении “На страшной высоте блуждающий огонь!” 1918 года, где поэт прямо говорит о падении Петербурга и о его тождественности Риму: “Твой брат, Петрополь, умирает!”.

В “Tristia” образ города реализуется через лексические доминанты прозрачность — Петербург — смерть. В сравнении с первым сборником “Камень”, где Петербург место скрещение культур, образец единства и целостности времени, изменение семантики онимов в мандельштамовском поэтическом слове закономерно ведёт к последующему разрушению античного мира в сознании и творчестве поэта. Если Петербург можно считать воплощением культуры, связью времен, то Петрополь символизирует её гибель, так как является реминисценцией на миф о падении Рима.

Стихотворение “Собирались эллины войною” с первых же строк создаёт аллюзию на конкретное историческое событие — битва на Саламине между греческими и персидскими флотами. Вполне возможно, что в качестве источника вдохновения послужил исторический трактат Геродота “История”, в котором тот детально описал данное сражение. Но подобное утверждение может быть лишь читательской ассоциацией, так как в тексте нет эксплицитных или имплицитных указаний на этот труд.

Во второй строфе конструкция “друзья — островитяне снаряжают наши корабли” аллюзия на другой исторический факт — троянскую войну. Во-первых, это обусловлено линейностью изложения событий и их хронологическими рамками. Во-вторых, оним “корабли” и характеристика

“островитяне” (древний город Троя расположен на полуострове) могут быть реминисценцией на гомеровскую “Илиаду”, в основу которой легло сражение между коалицией ахейских царей и Троянским царством. В последнем четверостишии Мандельштам обращается к прецедентным топонимам “Эллада”, “Акрополь”, “Пирей”. Элладой когда-то именовалась Древняя Греция, отсюда и название её жителей — эллины. Данный мифоним вводит в произведение миф о происхождении Греции.

Интертекстуальные связи с Гомером и эллинской культурой реализуется в поэтическом слове Мандельштама через онимы “Троя” (его варианты “ахейские мужи”, “Илион”) и “Елена” в стихотворениях “Вернись в смесительное лоно” и “За то, что я руки твои не успел удержать”.

В стихотворении “Золотистого мёда струя из бутылки текла” фигурирует топоним “Таврид”. Таврид одно из исторических названий древнего и средневекового Крымского полуострова, который в эллинскую эпоху населяли различные народности, в том числе и греки. Словом, Таврид греческое наименование. Для просвящённого читателя данный топоним может стать отсылкой к трагедии Еврипида “Ифигения в Тавриде” написанной в 414 году до н. э.

Сочетание “всюду Бахуса службы” аллюзия на греческие вакханалии. Бахус или же Вакх одно из наименований Диониса. Слово “службы” указывает на дионисийский культ или вакханалистические празднования. Таврид в этом стихотворении на семантическом и языковом уровне тождественен Древней Греции: “В каменистой Тавриде наука Эллады”.

Строка “наука Эллады... золотых десятин благородные ржавые грядки” является реминисценцией. Семантический комплекс тяжелого — полного — медленного — золотого тесно связан с Элладой на мифологической основе. Мифологема конкретно возникает в заключительном четверостишии: “Золотое руно, где же ты, золотое руно?”. Как известно из древнегреческой мифологии, золотое руно было шкурой барана, которого ниспослала с неба богиня Нефела. Миф о золотом руно тесно связан с целыми циклами о жизни

Ясона. У Мандельштама обнаруживаются реминисценции на ряд прецедентных текстов об этом персонаже. Первая строка являющаяся риторическим восклицанием указывает на поиски артефакта, а последующие за ней лексемы “морские волны”, “дорога”, “корабль” описывают подготовку плавания за руном. Лексемы также содержат интертекстуальные связи с текстами Гомера “Илиада” и “Одиссея”, где фигурирует личность Ясона. Это доказывает и употребление имени Одиссея в заключительной строке.

Стихотворение “Меганом” 1917 года целиком основано на интертекстуальных связях с различными мифами и прецедентными текстами.

Название “Меганом” имеет греческую этимологию, что до знакомства с произведением вводит читателя в античный дискурс. Так в первом восьмистишии Мандельштам реализует миф о похищении Персефоны Аидом. Это можно проследить уже на примере первых двух строк, где данный миф выстраивается за счёт употребления лексем “асфodelей” и “весна”. Асфodelей цветок теней и мёртвых душ, который был выращен Геей на земле по просьбе Аида. Коснувшись его Персефона не ведая согласилась на брак с правителем царства мёртвых. Оним “весна” характеризует образ Персефоны, которая является богиней красоты и плодородия.

Последующие три восьмистишия являются аллюзией на миф о Тесее. В языке он представлен с помощью лексем “лодке доверяем”, “тяжесть урны гробовой”, “чёрный парус возвратился”. Эти конструкции соотносятся с трагедией Еврипида “Эгей”, в которой возвращение с чёрными парусами символизировало смерть Тесея. Мандельштамовское “зачем же лодке доверяем” не тождественное воспроизведение ключевого фрагмента первоисточника, когда Тесей забывает сменить чёрные паруса, из-за чего все убеждены в его смерти.

Мифоним Персефона встречается и в других текстах Мандельштама, где также создаёт античный дискурс. Это стихотворения “Когда Психея — жизнь спускается к земле”, “возьми на радость из моих ладоней” и “Не слышно птиц. Бессмертник не цветёт”. Последнее имеет интертекстуальные связи не только

с мифом о Персефоне, но и с текстом древнегреческой трагедии Софокла “Антигона” через обращение к прецедентному имени мифической героини.

Стихотворение “Tristia” 1918 года восходит к одноимённому циклу Публия Овидия Назона. В этом стихотворении Мандельштам сохраняет основную поэтическую эмоцию, заданную семантикой заглавия, и перенимает некоторые мотивы творчества Овидия, прежде всего мотив расставания. Источником мандельштамовской “Tristia” может быть третья скорбная элегия из первой книги Овидия “Только представлю себе той ночи печальнейший образ...”, которую Мандельштам цитирует в своей критической работе “Слово и Культура”, что свидетельствует о знании указанного текста. Схожесть произведений наблюдается на стилистическом и лексическом уровнях, поэт использует формулировки и конструкции претекста, например, лексические доминанты “расставание”, “плачь”, “слёзы”, “разлука”, “огонь” (костёр, пожар), “полёт”.

2.5. Пиндаровский отрывок. Интертекст в стихотворении “Нашедшему подкову” (1923)

Эллинизм в лирике Мандельштама с 1923 года уступает иным культурным кодам. Прецедентные явления, цитаты, аллюзии, реминисценции исчезают из поэтического языка Мандельштама или встречаются крайне редко. В сборнике “Московские стихи” (1930 - 1934) элементы античного дискурса присутствуют в единичных случаях. Поэтому мы не считаем целесообразным рассматривать их и остановимся только на одном стихотворении, в котором интертекстуальность проявляется наиболее ярко.

“Нашедший подкову” 1930 года имеет подзаголовок “Пиндарический отрывок”, что уже указывает на источник творческих изысканий Мандельштама. Резкие смысловые переходы в этом стихотворении действительно напоминают пиндаровский слог, в котором смысловое членение не совпадает со строфическим. Но здесь также наблюдаются и другие античные параллели.

Так начало стихотворения:

*“Глядим на лес и говорим:
— Вот лес корабельный, мачтовый,*

Розовые сосны,

До самой верхушки свободные от мохнатой ноши,

Им бы поскрипывать в бурю,

Одинокими пиниями,

В разъяренном безлесном воздухе...”;

может быть реминисценцией на LXIV стихотворение Катулла “Свадьба Пелея и Фетиды”:

“Говорят, что сосны, некогда рожденные вершиной Пелиона,

плыли по влажным волнам Нептуна к

струям Фасиса и к Этовым пределам....”;

или же на “Илиаду” Гомера

*“Или сосна, если плотник своим топором отточенным,
Дерево срубит в горах, корабельные балки готова...”*

Ещё одним источником может быть XI элегия из книги “Amores II” Овидия:

*“Полные бедствий пути по волнам изумленного моря
Первой указаны нам той пелионской сосной,
Что меж сходящихся скал переправить когда — то бесстрашно...”*

Все указанные тексты повествуют о походе аргонавтов под предводительством Ясона на корабле Арго в Колхиду за золотым руном. Аллюзия на этот миф представлена и у Мандельштама рядом онимов “корабельный”, “сосны”, “мореплаватель”, “Неера”.

Наблюдается интертекстуальная связь с философскими идеями Гераклита, а именно с одним известным его афоризмом: *“Вечность есть играющее дитя, которое расставляет шашки: царство над миром принадлежит ребёнку.”*

Эта концепция Гераклита ранее нашла своё выражение в одном из мандельштамовских “Восьмистиший” (1933):

*“И там, где скрепились бирюльки,
Ребенок молчанье хранит,
Большая вселенная в люльке
У маленькой вечности спит...”*

Отзвуки этого изречения есть также в стихотворении “Век” (1922):

*“Словно нежный хрящ ребенка
Век младенческой земли...”*

В “Нашедшем подкову” афоризм Гераклита представлен следующим образом:

*“Дети играют в бабки позвонками умерших животных.
Хрупкое летоисчисление нашей эры подходит к концу...”*

это пример мандельштамовского квазицитирования, которое зачастую не воспринимается читателем.

Таким образом, для создания античного дискурса в рассмотренном нами стихотворении Мандельштам использует аллюзию на поход аргонавтов, реминисценции на прецедентные тексты и квазицитирование.

2. 6. Интертекстуальность в сборнике “Воронежские стихи” (1935 - 1937)

Сборник включает в себя стихи, написанные в период ссылки. Чувствуя себя все более изгнанником, Мандельштам в свой поэтический текст включает все большее количество цитат и мотивов из “Писем с Понта” и “Скорбных элегий” Овидия. Но выявить их практически не представляется возможности, так как после “TRISTIA” поэтика Мандельштама вновь претерпевает метаморфозу, теперь различные культурные пласты накладываются друг на друга.

Между текстами античности и лирикой Мандельштама интертекстуальные параллели не всегда представлены прямой цитатой. Поэт использовал и обновлял образы, метафоры и сюжеты, которые в классической литературе были общим местом (“пчелы”, “мёд”, “корабль”, “прядение”, “прорастание зерна” и т. д.), поэтому не всегда есть смысл доискиваться конкретного первоисточника — такого может и не быть. Античный дискурс в этом случае нельзя считать простым заимствованием. Для читателя он остаётся непонятым, так как Мандельштам искажает метафоры, афоризмы и любые прецедентные выражения, включая их в собственные произведения в виде квазицитат. Поэтому выявить интертекстуальные связи возможно только путём кропотливого сопоставления с древними текстами.

В стихотворении 1936 года “Сосновой рощицы закон” обращение к древнегреческому устройству мира построено вокруг строк “на арфу начал гнуть Эол”. Использование Мандельштамом сочетание онимов “арфа” и “Эол” репрезентирует в тексте прецедентное выражение “Эолова арфа”. Мифопоэтика номинации восходит к античным мифологическим представлениям об Эоле как владыке ветров. Употребление данного мифонима вызывает ассоциации в сознании читателя с рядом литературных источников: поэма Гомера “Одиссея” (песнь десятая), трагедии Еврипида “Эол, или Канака” и Ликофрона “Дочери Эола” и комедии Антифана и Эрифа “Эол”.

“Где связанный и пригвождённый стон?” 1937 года уже в заглавии содержится реминисценция на трагедию Эсхила “Прометей Прикованный”, которая возникает благодаря онимам “связанный” и “пригвождённый”. В последующей строке Мандельштам использует явную аллюзию на мифологический факт о героине. На это указывает такие лексемы как “Прометей”, являющийся прецедентным именем, “скалы”, “коршун”, “гон когтей”. Затем, во второй строфе, античный дискурс снижается из-за трансформации простых онимов в сложное составное слово: “Эсхил-грузчик”, “Софокл-лесоруб”.

Одно из значимых произведений “Воронежских стихов”, которое мы не можем обойти без внимания, “Рим”. Несмотря на дискурсивный характер заглавия, обладает низкой степенью интертекстуальности. На уровне языка обнаруживаются единичные мифонимы (Давид, Рим, Форум), существующие в одном семантическом пространстве с другими культурными пластами, поэтому практически не несут значимости в определении античного диалога.

Стихотворение “Кувшин” 1937 года вступает в интертекстуальные отношения с эллинской культурой с помощью иносказательности. Так, метафора “мудрый сводник вина и воды” является аллюзией на Диониса. “Пляшут козлята” реминисценция на сатир, употребление которой в ряде с богом винопития отсылает к вакханалистическим мотивам. Наименее очевидная для простого читателя реминисценция “под музыку зреют плоды” обладает афористичностью в духе Платона. Известные изречения философа об искусстве в его трактате “Пир” созвучны с указанной лексемой. Платон утверждал, что истинный творец достигает успехов в поэтическом мастерстве только тогда, когда его слово станет подобно музыке и только тогда даст истинные плоды искусства. Здесь же реализуются философские установки Фридриха Ницше о творческом начале.

Античные имена и реалии в стихотворении “Гончарами велик остров синий” выведены на поверхность и составляют предметный, звуковой и красочный фон произведения: “остров синий, Крит зелёный, Крит летучий”

(один из греческих островов), “это было и пелось, синяя, // Много задолго до Одиссея”, “волоокого неба звезда”. Нарочитая архаизированность поэтического стиля на уровне языка утверждается лексемами “задолго”, “до того”.

Тот же принцип введения в текст античных онимов наблюдается в стихотворениях 1937 года “Флейты греческой тэта и йота” и “Нереиды мои, нереиды”.

Таким образом, Мандельштам прибегает к разным видам интертекстуальности: иносказательность, метафоры, аллюзии, реминисценции, образы и имена героев и т.д. В творчестве позднего Мандельштама исчезает ясность образов, появляются сложные метафоры, которые делают стихи трудными для восприятия. Характерной особенностью интертекстуальности в лирике поэта является ведущая роль онимов, которые отсылают к античным сюжетам, мифам и литературным источникам.

Глава 3. Разработка курса по выбору для обучающихся 9 – 10 классов “Явление интертекстуальности в поэзии О. Э. Мандельштама”

3.1. Пояснительная записка

Влияние лингвистических моделей теоретической рефлексии в конце XX века сформировало новое осмысление языковой картины мира. Вся человеческая культура рассматривается как совокупность текстов. Общество мыслит определёнными культурными кодами, идиомами, афоризмами т.д., что отражается и в продуктах жизнедеятельности: искусство, литература, музыка, реклама, кино, сми и др. Возможность видеть источники конкретных высказываний и образов способствует вхождению в современное коммуникативное пространство, пониманию и осмыслению происходящих в нём явлений.

Это обуславливает потребность в функционально-грамотном выпускнике школы, способном максимально быстро адаптироваться и функционировать в новой информационной среде, которая характеризуется расширением коммуникативного пространства за счёт множества текстов вторичной природы. Предлагаемая дисциплина должна помочь школьникам в достижении данной задачи.

Спецификой предлагаемого курса по выбору является то, что занятия носят межпредметный характер и выходят за рамки, установленные школьной программой. Обучающимся предстоит посредством изучения сначала наглядных примеров интертекстуальности таких, как цитаты и персонажи, а затем реминисценции и аллюзии научиться видеть в тексте определённый культурный код, уметь с ним взаимодействовать и плодотворно работать с анализом художественного текста. Это даст возможность не только развить навыки интерпретирования, пересказа, рецептивного анализа, но и сформировать лингвистические компетенции учащихся.

Курс изучается дополнительно к предметам русский язык и литература — 1 час в неделю.

Программа рассчитана на 34 часа учебного времени (из расчёта 1 учебных часа в неделю при 34 неделях в учебном году).

I полугодие — 16 часа

II полугодие — 18 часа

Цель курса: актуализировать и развить навыки работы с межтекстовыми связями обучающихся 9 - 10 классов.

Задачи курса:

- знакомство с основными понятиями интертекстуальности;
- формирование представлений о тексте, как о языковом коммуникативном пространстве;
- формирование навыка осознанно-аналитического прочтения художественного текста;
- формирование информационно-коммуникативной грамотности обучающихся;
- формирование навыка лингвистического анализа текста;
- формирование лингвистических компетенций обучающихся;
- формирование навыков исследовательской деятельности обучающихся.

Методологическая направленность элективного курса на личностный и деятельностный подходы способствует обеспечению интеллектуальной свободы обучающихся и создаёт условия для развития индивидуальных способностей и дарований; в условиях объективной необходимости сочетания индивидуальных и коллективных способов работы с учебным материалом происходит формирование регулятивных навыков как в организации совместной деятельности, так и в её оценке.

В организации учебной деятельности предусмотрено проведение лекционных, семинарских, практических, лабораторных и зачётных занятий, в том числе самостоятельных (изучение основной и дополнительной

литературы по предмету, подготовка к семинарским занятиям, самостоятельная работа с лингвистическим анализом текста).

В курсе запланировано преобладание практических занятий над теоретическими, что позволяет в большей степени учитывать возрастные и индивидуальные возможности обучающихся. Особое внимание уделяется формированию умений анализировать и систематизировать материал. С этой целью по итогам аудиторных занятий обучающимся предстоит выступить с презентацией коллективной учебно-творческой работой.

Курс предполагает использование активных методов обучения, современных образовательных технологий. Рекомендуется использовать здоровьесберегающие модели обучения из-за трудоёмкости и сложности предлагаемого материала, например, “Смена рабочих зон”, “Круглый стол” и др.

Текущий контроль позволяет определить достижения и затруднения ученика в ходе выполнения им конкретных заданий программы, уровень сформированности умений и динамику их развития. В процессе освоения программы производится контроль ситуационных заданий: написание творческой работы обобщающего типа; составление кластера/таблицы; включение в учебно-творческую работу цитат, аллюзий, ссылок; обсуждение по теме семинарских занятий.

Основной формой текущего контроля являются консультации, которые нацелены на помощь в подготовке коллективной итоговой учебно-творческой работы и преодоление трудностей в обнаружении интертекстуальных связей.

Итоговый контроль — представление зачётной учебно-творческой работы, которую обучающиеся готовят в процессе изучения тем дисциплины.

Планируемые результаты

В результате освоения программы курса обучающийся
научится

теоретическим основам теории интертекстуальности; правилам включения в ткань текста “чужой речи”; выявлять языковую доминанту в тексте; понимать различие между цитатой, аллюзией и реминисценцией; лингвистическому анализу текста; анализировать текст на выявление интертекстуальных единиц; определять источник вторичного текста;

овладеет

навыками работы с научной литературой; навыками самостоятельной работы и организации учебной деятельности; навыками аналитико-синтетического, ассоциативного, понятийного, образного анализа вторичных текстов; навыками правильного и уместного использования терминологии;

а также получит возможность освоить/углубить/систематизировать знания и соответствующие умения в области

владения культурой мышления; восприятия, анализа, обобщения информации; постановке цели и выбора путей её достижения; владения нормами русского литературного языка; интерпретирования художественной литературы; понимания традиций наследуемых языком и отражающиеся в литературе; применения полученных знаний в собственной учебно-исследовательской деятельности.

Рекомендуемая учебная литература

Учителю:

1. Безруков А. Н. Поэтика интертекстуальности: Учебное пособие. – Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. академия, 2005. – 70 с.
2. Гац И. Ю. Лингвистическая подготовка школьников в современной языковой ситуации: константы и закономерности / И. Ю. Гац. – Педагогическое образование и наука. Научно-методический журнал. – 2015 – №1. – С. 50 - 54.
3. Васильев А. Д. Интертекстуальность: прецедентные феномены: учеб. пособие. – М., 2013 – 342 с.

Обучающемуся:

1. Бреева Т. Н. Художественный мир Осипа Мандельштама: учеб. пособие / Т.Н. Бреева. – 3-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2018. – 136 с.
2. Становкин П. А. Заглавия-интертексты в сборниках О. Э. Мандельштама “Камень”, “Tristia”, “Стихи 1921-1920-х годов”, “Новые стихи” (1930-1937) // Вестник ТГПУ. – 2010. – №6.
3. Сурат И. З. Мандельштам и Пушкин. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – С. 67.
4. Террас В. И. Классические мотивы в поэзии Осипа Мандельштама // Мандельштам и античность. – Сб. ст. М., 1995. – С. 12 - 32.

3.2. Тематический план курса (34 часа)

Консультации (7 ч.) нацелены на помощь в подготовке коллективной итоговой учебно-творческой работы и преодоление трудностей в обнаружении интертекстуальных связей.

1. Введение. Предмет и задачи курса. Основные этапы работы (1 ч.).

Презентация курса: цели, задачи, формы работы, требования, прогнозируемый результат. Обсуждение вариантов итоговой учебно-творческой работы и определение стратегии достижения результата.

2. Понятие интертекстуальности. Типы и формы проявления интертекстуальных отношений в тексте (1 ч.).

Лекционное занятие. Понятие интертекста в лингвистике и его явления. Интекст как текстовое включение. Цитата, аллюзия, реминисценция.

3. Понятие интертекстуальности. Типы и формы проявления интертекстуальных отношений в тексте (1 ч.).

Правила включения чужой речи в ткань текста. Практическая работа с применением полученных знаний (составление небольших по объёму текстов с цитатами, аллюзиями, реминисценциями).

4. Ф. И. Тютчев и О. Э. Мандельштам. Лингвистический анализ стихотворений О. Э. Мандельштама “Silentium” и Ф. И. Тютчева “Silentium!” (2 ч.).

Анализ произведений с целью установить интертекстуальные связи между произведениями Тютчева и Мандельштама.

Деятельность учащихся проводится под руководством учителя, который помогает установить интертекстуальные соответствия, охарактеризовать их функции и семантику.

5. А. С. Пушкин и О. Э. Мандельштам. Лингвистический анализ стихотворений О. Э. Мандельштама “Я скажу тебе с последней Прямой” и А. С. Пушкина “Пир во время чумы” (2 ч.).

Анализ произведений с целью установить интертекстуальные связи между текстами Пушкина и Мандельштама.

Установка на активную деятельность учащихся: главная роль всё ещё отводится учителю, который постепенно настраивает класс на самостоятельную работу. Обсуждение по теме занятия является основным видом деятельности.

6. А. С. Пушкин и О. Э. Мандельштам. Лингвистический анализ стихотворений О. Э. Мандельштама “Фэтонщик” и А. С. Пушкина “Бесы” (2 ч.).

Анализ произведений с целью установить интертекстуальные связи между текстами Пушкина и Мандельштама.

Основной вид деятельности на уроке — самостоятельная работа в группах. Ученики делятся на две группы: первая анализирует языковой состав стихотворения О. Э. Мандельштама, вторая — А. С. Пушкина. Затем, с помощью дискуссии и обсуждения полученных результатов, обучающиеся вместе с учителем определяют интертекстуальные единицы и основные способы репрезентации лермонтовского слова в стихотворении Мандельштама.

7. М. Ю. Лермонтов и О. Э. Мандельштам. Лингвистический анализ стихотворений О. Э. Мандельштама “Жил Александр Герцевич” и “Молитва” М. Ю. Лермонтова (2 ч.).

Анализ произведений с целью установить интертекстуальные связи между текстами Лермонтова и Мандельштама.

Главная роль на занятии отводится классу. Учитель заранее должен предоставить ученикам литературу по теме урока и материал для самостоятельной подготовки. К основным формам деятельности относятся беседа и обсуждение, в ходе которых обучающиеся делятся своими наблюдениями во время самостоятельного лингвистического анализа предлагаемых текстов, выявляют их стилевые особенности и типы интертекстуальных единиц. Учитель корректирует и дополняет анализ текста.

8. М. Ю. Лермонтов и О. Э. Мандельштам. Лингвистический анализ стихотворений О. Э. Мандельштама “1 января 1924” и “1 января 1831” М. Ю. Лермонтова (2 ч.).

Анализ произведений с целью установить интертекстуальные связи между текстами Лермонтова и Мандельштама.

На уроке ученикам предстоит сопоставить и выделить языковые конструкции в стихотворении Мандельштама, которые соотносятся с текстом-источником. Занятие носит всецело аналитический характер. Лингвистический анализ произведений происходит путём построчного сопоставления, так как произведения схожи не только по языковому составу, но и по конструкции, системе мотивов и поэтическому стилю.

9. Лингвистический анализ стихотворения О. Э. Мандельштама “Бессонница . Гомер. Тугие паруса” (2 ч.).

Анализ произведений с целью установить интертекстуальные связи между текстами Гомера и Мандельштама.

Учитель должен заранее подготовить и дать классу фрагменты текста Гомера “Илиада”, с которыми ученикам предстоит работать на занятии. Знание этих фрагментов является главной составляющей урока, так как для аналитической работы предлагается языковая игра.

Языковая игра требует включение в учебную деятельность весь класс. Её суть в том, чтобы посредством называния гомеровских конструкций, мотивов и образов, найти и обозначить их в тексте Мандельштама, а также определить способ, с помощью которого поэт в ткань собственного текста вводит слова античного автора (например, учитель называет наименования кораблей в “Илиаде”, а ученики ту мандельштамовскую конструкцию, которая ссылается на данную ситуацию — “я список кораблей прочёл до середины”).

10. Лингвистический анализ стихотворения О. Э. Мандельштама “Золотистого меда струя из бутылки текла” (2 ч.).

Ведущая роль на занятии отводится учителю. Интертекст в предлагаемом для анализа стихотворении сложен, поэтому наиболее продуктивным типом

урока в этом случае является лабораторное занятие. Учителю необходимо заранее предоставить учащимся фрагменты текстов-источников, чтобы облегчить работу на уроке. Во время занятия преподаватель знакомит класс с понятием языковых доминант и приводит несколько примеров для наглядности. Затем ученики составляют кластер “Языковые доминанты и их окружение в стихотворении О. Э. Мандельштама”. Подобная работа поможет ученикам в обнаружении интертекстуальных связей с текстами-источниками и облегчит анализ произведений.

11. Лингвистический анализ стихотворения О. Э. Мандельштама “Как этих покрывал и этого убора” (2 ч.).

Учителю необходимо заранее предоставить учащимся фрагменты текста-источника и литературу по теме, чтобы облегчить работу на уроке. Важной составляющей занятия является ознакомление учеников с учебной литературой. Учащимся предлагается заполнить таблицу, в которой путём сопоставления фрагментов и языковых конструкций ученики смогут установить интертекстуальные связи между текстами Еврипида и Мандельштама.

12. Ш. Бодлер и О. Э. Мандельштам. Лингвистический анализ сонета О. Э. Мандельштама “Пешеход” и сонета Бодлера “Старый колокол” в переложении И. Ф. Анненского (2 ч.).

Анализ произведений с целью установить интертекстуальные связи между текстами Бодлера и Мандельштама.

На уроке ученикам предстоит сопоставить и выделить языковые конструкции в стихотворении Мандельштама, которые соотносятся с текстом-источником. Занятие носит всецело аналитический характер. Лингвистический анализ произведений происходит путём построчного сопоставления, так как произведения схожи не только по языковому составу, но и по конструкции, системе мотивов и поэтическому стилю.

13.Ч. Диккенс и О. Э. Мандельштам. Лингвистический анализ стихотворения О. Э. Мандельштама “Домби и сын” и романа Ч. Диккенса “Домби и сын” (2 ч.).

Учитель должен заранее предоставить ученикам фрагмент из романов Ч. Диккенса “Домби и сын” (детство маленького Домби). Занятие проходит в формате беседы. Ученики вместе с учителем анализируют произведения на выявление интертекстуальных единиц, указывают их тип, функции и особенности.

14.Обобщение пройденного материала (2 ч.).

Вначале урока учитель вместе с учениками обсуждает пройденный материал. Ещё раз повторяются особенности интертекстуальности с позиции лингвистики и их функции с примерами по прошедшим занятиям. Важно эмоциональное восприятие и отношение учащихся к пройденному курсу. После обсуждения ученикам предстоит написать самостоятельную письменную работу обобщающего содержания, являющейся рефлексией по теме дисциплины.

15.Презентация выбранных произведений. Защита проектов (2 ч.).

Подведение итогов и представление учебно-творческой работы. Экспертиза и самооценка итоговой работы.

3.3. Тематическое планирование по программе курса в 9 - 10 классах

№	Тема урока	Кол-во часов	Тип урока	Вид деятельности учащихся	Формы контроля	Планируемые результаты обучения
I полугодие						
Модуль I: Введение						
1	Тема 1. Введение. Предмет и задачи курса. Основные этапы работы.	1 ч	Урок освоения новых знаний	Распределение на группы по основным направлениям курса: античная, русская и зарубежная литература .	Беседа по теме лекции. Опрос.	Уметь определять цели и задачи, выбирать оптимальные пути достижения поставленных целей.
2	Тема 2. Понятие интертекстуальности. Типы и формы проявления	1 ч	Урок освоения новых знаний	Запись основных тезисов.	Беседа по теме лекции.	Иметь представление об интертексте в лингвистике;

	интертекстуальных отношений в тексте.					Знать правила включения чужой речи в текст; Уметь отбирать информацию для составления конспекта и реферата.
3	Тема 3. Понятие интертекстуальности. Типы и формы проявления интертекстуальных отношений в тексте.	1 ч	Урок-практикум	Работа с текстом. Включение чужой речи в ткань текста.	Проверка включения в учебно-творческую работу цитат, аллюзий, ссылок.	Иметь представление об интертексте в лингвистике; Знать правила включения чужой речи в текст;

						Развитие письменной речи.
Модуль II: Русский дискурс в творчестве О. Э. Мандельштама						
4	Тема 4. Ф. И. Тютчев и О. Э. Мандельштам. Лингвистический анализ стихотворений О. Э. Мандельштама “Silentium” и Ф. И. Тютчева “Silentium!”.	2 ч	Лабораторное занятие	Обучающиеся под руководством преподавателя проводят лингвистический анализ предложенных текстов, путём сопоставления и выявления общих языковых конструкций, мотивов,	Обсуждение по теме урока.	Уметь находить в тексте чужую речь; Развитие устной речи.

				стилизации и т.д.		
5	Тема 5. А. С. Пушкин и О. Э. Мандельштам. Лингвистический анализ стихотворений О. Э. Мандельштама “Я скажу тебе с последней Прямой” и А. С. Пушкина “Пир во время чумы”.	2 ч	Урок-практикум	Работа с текстом с опорой на теоретический и практический материалы прошедших занятий.	Обсуждение по теме урока.	Уметь находить в тексте чужую речь.
6	Тема 6. А. С. Пушкин и О. Э. Мандельштам. Лингвистический анализ стихотворений О. Э. Мандельштама “Фаэтончик” и А. С. Пушкина “Бесы”.	2 ч	Урок-практикум	Самостоятельная работа в группах.	Дискуссия по теме урока.	Развитие навыков самостоятельной работы; Уметь находить в тексте чужую речь;

						<p>Развитие логического мышления, коммуникативных особенностей речи;</p> <p>Развитие навыков коллективной работы.</p>
7	Консультация	1 ч		<p>Обучающиеся задают интересующие вопросы по теме курса и предстоящей творческой работе.</p>	<p>Беседа по теме урока.</p> <p>Консультация, опрос.</p>	<p>Уметь определять тексты с интертекстуальными отношениями;</p> <p>Развитие навыков</p>

				Утверждение выбранных текстов.		самостоятельн ой работы и организации учебной деятельности; Развитие способности к исследовательс кому типу мышления, активизации личностной позиции учащегося в образовательно м процессе.
8	Тема 7. М. Ю. Лермонтов и О. Э. Мандельштам.	2 ч	Семинар- практикум	Обучающиеся рассказывают о стилевых	Проверка владения навыков	Уметь пользоваться научной

	Лингвистический анализ стихотворений О. Э. Мандельштама “Жил Александр Герцевич” и “Молитва” М. Ю. Лермонтова.			особенностях и реминисценция х, которые они выявили самостоятельно с опорой на учебную литературу. Учитель корректирует и дополняет анализ текста.	работы с учебной литературой и аналитических способностей учащихся.	литературой; Развитие навыков аргументированного ответа, владение терминологией и способности вступать в дискуссию; Развитие навыков самостоятельной работы.
9	Тема 8. М. Ю. Лермонтов и О. Э. Мандельштам. Лингвистический анализ стихотворений	2 ч	Урок-практикум	Обучающиеся под руководством преподавателя проводят	Обсуждение по теме урока	Уметь находить в тексте чужую речь; Развитие

	О. Э. Мандельштама “1 января 1924” и “1 января 1831” М. Ю. Лермонтова.			лингвистический анализ предложенных текстов, путём сопоставления и выявления общих языковых конструкций, мотивов, стилизации и т.д.		устной речи.
Модуль III: Античный дискурс в творчестве О. Э. Мандельштама						
10	Тема 9. Лингвистический анализ стихотворения О. Э. Мандельштама “Бессонница . Гомер. Тугие паруса”.	2 ч	Комбинированный урок	Языковая игра. Работа с текстом с опорой на теоретический и практический	Проверка знаний об анализируемых текстах.	Уметь находить в тексте чужую речь; Развитие логического

				материалы прошедших занятий.		мышления, коммуникатив ных особенностей речи; Развитие навыков коллективной работы.
II полугодие						
11	Тема 10. Лингвистический анализ стихотворения О. Э. Мандельштама “Золотистого меда струя из бутылки текла”.	2 ч	Лабораторное занятие	Составление кластера “Языковые доминанты и их окружение” (слово учителя о доминанте). Обучающиеся под	Выборочная защита кластеров. Обсуждение по теме урока.	Уметь находить в тексте чужую речь; Иметь представления о языковой доминанте; Развитие

				руководством преподавателя проводят лингвистический анализ предложенных текстов, путём сопоставления и выявления общих языковых конструкций, мотивов, стилизации и т.д.		логического мышления, коммуникативных особенностей речи.
12	Тема 11. Лингвистический анализ стихотворения О. Э. Мандельштама	2 ч	Урок-практикум	Работа с текстом. Составление сопоставительных	Представление результатов таблицы и полученных	Уметь находить в тексте чужую речь;

	“Как этих покрывал и этого убора”.			ой таблицы.	выводов.	Развитие логического мышления, коммуникативных особенностей речи.
13	Консультация	2 ч		Обучающиеся задают интересующие вопросы, учитель исследует, как продвигается работа над текстом, помогает в выявлении не замеченных	Беседа по теме урока. Консультация, опрос.	Обучающиеся преодолевают трудности в обнаружении интертекстуальных связей; Развитие способности к исследовательскому типу мышления, активизации

				учениками интертекстуаль ных элементов и в прочих вопросах.		личностной позиции учащегося в образовательно м процессе.
Модуль IV: Западно-европейский дискурс в творчестве О. Э. Мандельштама						
14	Тема 12. Ш. Бодлер и О. Э. Мандельштам. Лингвистический анализ сонета О. Э. Мандельштама “Пешеход” и сонета Бодлера “Старый колокол” в переложении И. Ф. Анненского.	2 ч	Урок- практикум	Работа с текстом. Лингвистическ ий и сопоставительн ый анализ произведений.	Обсуждение по теме урока.	Уметь находить в тексте чужую речь; Развитие логического мышления, коммуникатив ных особенностей речи; Развитие навыков

						лингвистическ ого анализа текста.
15	Консультация по работе над творческими проектами.	2 ч		Обучающиеся задают интересующие вопросы, учитель исследует, как продвигается работа над текстом, помогает в выявлении не замеченных учениками интертекстуаль ных элементов и в прочих	Первичная проверка творческих работ. Беседа по теме урока. Консультация, опрос.	Обучающиеся преодолевают трудности в обнаружении интертекстуаль ных связей; Развитие способности к исследовательс кому типу мышления, активизации личностной позиции учащегося в образовательно

				вопросах.		м процессе.
16	Тема 13. Ч. Диккенс и О. Э. Мандельштам. Лингвистический анализ стихотворения О. Э. Мандельштама “Домби и сын” и романа Ч. Диккенса “Домби и сын”.	2 ч	Урок-беседа	Обучающиеся сами формулируют вопросы, определяют свое отношение к ним и принимают активное участие в их решении. Работа с текстом.	Беседа по теме урока.	Активизация личностной позиции учащегося в образовательном процессе; Уметь формулировать вопросы по теме обсуждения; Уметь находить в тексте чужую речь; Развитие навыков

						самостоятельн ой работы учащихся; Развитие устной речи и аналитическог о мышления.
17	Заключительная консультация по работе над творческими проектами.	2 ч		Обучающиеся информируют учителя о степени готовности работы, задают вопросы, сообщают о необходимом техническом оснащении во время своих	Проверка черновых работ по необходимости (по просьбе учащихся или исходя из собственных представлений о работе отдельных групп).	Активизация личностной позиции учащегося в образовательно м процессе.

				выступлений.		
18	Тема 14. Обобщение пройденного материала.	2 ч	Урок самостоятельной письменной работы обобщающего содержания	Обсуждение пройденного материала. Сочинение-рефлексия по теме курса.	Проверка творческих работ.	Развитие навыков рефлексии; Развитие устной и письменной речи.
19	Тема 15. Презентация выбранных произведений. Защита проектов.	2 ч	Урок-зачёт	Группы представляют произведения, с которыми работали самостоятельно на протяжении всего спецкурса, стараются заинтересовать слушателей, используя различные мультимедийные и игровые	Проверка и оценка итоговых работ учащихся.	Развитие навыка выступления перед большим числом людей; Развитие способности к исследовательскому типу мышления, активизации личностной позиции учащегося в образовательном процессе.

				приёмы. По результатам завершающего занятия происходит голосование за лучшую презентацию произведения.		
Итого		34 ч				

Заключение

Теория интертекстуальности, как и смежные с ней понятия прецедентности, являются дискуссионным пространством в современном гуманитарном знании. Её типологизация всё ещё остаётся под вопросом, так как само явление существует на стыке различных наук таких, как культурология, лингвистика, психолингвистика, литературоведение, историография и т. д. Выбор тех или иных маркеров проявления межтекстового диалога зависит от исследовательских задач, которые рассматриваются при анализе текста. Так литературоведы и лингвисты ставят перед собой различные цели в изучении интертекстуальности. Для первых представляет интерес смысловые особенности литературного текста, условия его прочтения и восприятия. Лингвисты же занимаются анализом вербальных носителей информации, непосредственным выявлением “чужого слова” на различных уровнях языка.

Нами был проведён интертекстуальный анализ лирики О. Э. Мандельштама с позиции лингвистического исследования, в процессе которого было установлено, что поэт обращается не только к произведениям русских и зарубежных авторов, предшественников и современников, но и к творчеству эпохи эллинизма, которая, исходя из критических работ Мандельштама и факта изучения им античной культуры в лицее, была ему хорошо знакома. В работе сделан акцент на античный дискурс в поэзии О. Э. Мандельштама.

“Точечные” погружения в языковую структуру произведений Мандельштама позволяют установить мотивацию использования определённых лексем, частично рассмотреть их типологию, семантику и функциональные особенности. К основным средствам вхождения автором в античный дискурс можно отнести квазицитацию, обращение к прецедентным элементам, цитаты, ремейнсенции, аллюзии, подражание стилизации

эллинических текстов, употребление общеизвестных знаков и сюжетов, использование латинского языка и т.д.

Первичной апперцепции античного дискурса способствуют названия стихотворений Мандельштама, которые можно разделить на несколько групп:

1. Заглавия-цитата (“Ubi bene, ibi patria”, “Как этих покрывал и этого убора...”);
2. Латинские заглавия (“Silentium”, “Tristia” и “Ubi bene, ibi patria”);
3. Заглавия с антропонимами (“Бессонница. Гомер. Тугие паруса”, “Я не увижу знаменитой — Федры...”, “Когда Психея — жизнь спускается к теням”, “Катится по небу Феб”, “Я вскормлен молоком классической Паллады”, “Сын Леонида был скуп”, “Лесбия, где ты была?”, “Наташа спит. Зефир летает”);
4. Заглавия с топонимами (“Поговорим о Риме — дивный град”, “Природа — тот же Рим и отразилась в нём”, “Мне Тифлис горбатый снится”, “Когда держался Рим в союзе с естеством”).

Наибольший пласт интертекстуальных элементов в творчестве Мандельштама составляют онимы, отсылающие читателя к конкретному тексту или мифу — Афродита, Сократ, Гомер, Рим, Акрополь, Троя, Ипполит, Федра, Персефона, Геракл, Одиссей, Овидий и т. д.

Мы считаем нужным выделить антропонимы как наиболее продуктивную группу, так как многие из них являются мифонимами, поэтому их связь с претекстом нерушима и очевидна. Например, Федра — героиня трагедии Еврипида “Ипполит”, использование Мандельштамом сопутствующих имени лексем “чёрное солнце”, “знаменитая беда”, “покраснеют от стыда” и др. обусловлено введением в собственный текст прецедентного персонажа.

Поэт не всегда обращается к эллинской культуре прямо. Иногда включение античных образов в текст происходит посредством обращения к

другим произведениям на эту же тему. Например, заглавное стихотворения сборника “Tristia” “Как этих покрывал и этого убора...” начинается цитатой из Расина:

*“ — Как этих покрывал и этого убора
Мне пышность тяжела средь моего позора!”*

Но это также практически дословный перевод Еврипида:

*“Тяжело мне покрывало на голове,
Сними его, распусти волосы по плечам.”*

Через Расина Мандельштам обращается к первоисточнику мифа о Федре.

Последующие её реплики восходят к Еврипиду — *“О если б ненависть в груди моей кипела...”*. Этих слов у Расина нет. То же мы можем сказать и о строке *“Любовью чёрною я солнце запятнала...”*, которая является частичной цитатой из трагедии Еврипида “Ипполит”. В этом стихотворении Мандельштама межтекстовые диалоги тесно связаны с языковым составом произведения, которые также неоднократно воспроизводятся в тексте Еврипида — *беда, царское горе, покраснеют от стыда, в груди кипела — горит, с уст слетело и др.*

Пожалуй, одним из главных способов диалога с античностью в раннем творчестве О. Мандельштама является обращение к прецедентному топониму Рим, выступающего в качестве культурного знака, символа определенных исторических событий, судеб и т.п. Данный топоним встречается девятнадцать раз и чаще всего связан с такими онимами как “свобода” и “вечность”. Отметим, что в некоторых случаях Мандельштам наделяет оним “Рим” конкретным эстетическим образом и ставит его в параллель с Петербургом, который в “Tristia” назван Петрополем на греческий манер (Петрополь — Акрополь).

В сравнении с первым сборником “Камень” это изменение в мандельштамовском поэтическом слове закономерно ведёт к последующему

разрушению античного мира в сознании и творчестве поэта. Если Петербург можно считать воплощением культуры, связью времен, то Петрополь символизирует её гибель, так как является реминисценцией на миф о падении Рима.

Эллинизм в лирике Мандельштама с 1923 года уступает иным культурным кодам. Прецедентные явления, цитаты, аллюзии, реминисценции исчезают из поэтического языка Мандельштама или встречаются крайне редко. Например, в стихотворении “Нашедший подкову” 1930 года наблюдаются частные соответствия с Пиндаром и другие античные параллели. Поэт также использует не атрибутированные цитаты и реминисценции на Овидия и Катулла. Для позднего творчества Мандельштама характерен культурный универсализм, при котором поэтическое слово становится местом сосредоточения различных идей и дискурсов, независимо от их временной и исторической характеристики. Таким образом, в тексте больше не остаётся конкретного интертекстуального элемента, он тесно связан сразу с несколькими независимыми друг от друга источниками: аллюзии на современное поэту общество и власть, армянские и еврейские мотивы, христианские образы, античные идеи и т.д. В этом случае выделение конкретного дискурса мы считаем нецелесообразным, так как это не даёт приращение смысла и мешает объективному восприятию текста.

В результате проведённого исследования нами было установлено, что модели трансформации античной культуры в творчестве О. Э. Мандельштама чрезвычайно разнообразны. Они предстают аллюзиями на исторический факт (тройская война) или миф (похищение Персефоны, путешествие аргонавтов и др.), квазицитированием (трансформация афоризма Гераклита “Вечность есть дитя...” в стихотворениях “Век” 1922 года, “Восьмистишие” 1933 года, “Нашедшему подкову” 1923 года), прецедентным топонимом (Рим, Акрополь, Троя и др.) и антропонимами (Гомер, Овидий, Ипполит, Геракл и

др.), реминисценциями (“старик похожий на Верлена” — Овидий), цитатами (“Ubi bene, ibi patria” — “Где хорошо, там (и) родина”), прецедентными текстами (“Илиада” Гомер, “Ипполит” Еврипид, “Прометей прикованный” Эсхил и др.), не атрибутированными цитатами (“Вот лес корабельный, мачтовый...”).

Мы считаем важным отметить, что не все интертексты могут быть выявлены читателем и встроены в историко-литературный контекст, так как узнавание прецедентных текстов зависит от культурной памяти и развития индивида. Например, интертекстуальная связь с философскими идеями Гераклита, а именно, с одним известным его афоризмом “*Вечность есть играющее дитя...*”, простым читателем не воспринимается, так как он не обладает необходимыми знаниями для её распознавания. Также возникают случаи, когда читатель выстраивает интертекстуальные связи с каким-либо известным ему источником из-за искажённого его восприятия или смутного воспоминания. Например, заключительная строка стихотворения Мандельштама “Посох” включает в себя не только прецедентное имя, но и может выступать в качестве квазиреминисценции, т.е. неточного воспоминания об источнике прочитанного выражения. Восприятие читателя безусловно влияет на установление интертекстуальных связей между текстами. Например, субъективной квазиреминисценцией будет отождествление мандельштамовского “Мне, увидевшему Рим” с неточным цитированием Верлена “Я видел Рим на рубеже упадка”, когда в оригинале “Я — Рим на рубеже упадка”. Подобные реминисценции создают иные интертекстуальные связи, в этом случае у читателя возникает следующая логическая цепочка: Мандельштам — Верлен — Овидий (стихотворение Верлена отсылает к творчеству древнеримского поэта).

Таким образом, интертекстуальность в творчестве О. Э. Мандельштама является одной из основополагающих в формировании поэтического смысла и отражения действительности. Взаимоотношения О. Мандельштама с

эллинической историей, с культурой, с искусством и с эпохой представляются в произведениях через ряд устойчивых мифологем, рассмотрение которых помогают восприятию лирики поэта и осмыслению его мировоззренческих установок.

Результатом исследования стала разработка дисциплины по выбору «Интертекстуальность в лирике О. Э. Мандельштама» для обучающихся 9 - 10 классов.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Мандельштам О. Э. Стихотворения. Проза. Статьи. М., 2002. – С. 287 - 298.
2. Аксенова Н. С. Интертекстуальность в литературоведении и лингвистике: проблема выбора подхода // Электронный журнал “Вестник МГОУ” – 2013. №1. [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/271> (дата обращения: 7.03.2021).
3. Арнольд И. В. Проблемы интертекстуальности Текст. / И.В. Арнольд // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История, языкознание, литературоведение. – Вып. 4 (№23), 1992. – С. 53-61.
4. Барт Р. Миф сегодня // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. – с. 418.
5. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
6. Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном творчестве // Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975.
7. Безруков А.Н. Поэтика интертекстуальности: Учебное пособие. – Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. академия, 2005. – 70 с.
8. Болнова Е. В. Специфика орфического дискурса в поэзии Мандельштама // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. №4.
9. Бразговская Е. Е. Текст в пространстве культуры. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т. 2001. – 114 с.
10. Бреева Т. Н. Художественный мир Осипа Мандельштама // учеб. пособие. М., 2013. – 136 с.
11. Террас. В. Классические мотивы в поэзии Осипа Мандельштама / Мандельштам и античность // сборник статей / под ред. О. А. Лекманова. – М., 1995. – 208 с.

12. Васильев, А. Д. Интертекстуальность: прецедентные феномены: учеб. пособие. – М., 2013. – 342 с.
13. Веселовский А.Н. Из введения в историческую поэтику // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М., Высшая школа, 1989. – С. 51 – 52.
14. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский; ред., вступ. ст. и примеч. В.М. Жирмунского. – Л., 1940. – 648 с.
15. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман; [Предисл. В. В. Иванова]; Тартус. ун-т. – М.: Языки рус. культуры: Кошелев, 1996. – 464 с.
16. Гаспаров М. Л. Поэт и культура. Три поэтики Осипа Мандельштама // М. Л. Гаспаров Избранные статьи. – М., 1995. – 478 с.
17. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ: лингвистика языкового существования. – М., 1996. – С. 320.
18. Донецких Л. И. Поэтика О. Мандельштама через призму интертекстуальности // Вестник Удмуртского университета. Серия “История и филология”. – М., 2012. №2. – С. 8 - 17.
19. Женетт Ж. Палимпсесты: Литература во второй степени, 1982. – М., 1989. – С. 213.
20. Жолковский А.К. Блуждающие сны и другие работы. – М., 1994. – с. 428.
21. Земская Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопр. языкознания. – М., 1996. №3. С. 23 - 31.
22. Золотухина Е. Н. Интертекстуальность в современном русском языке // Русский язык в школе. – М., 2008. № 5. – С. 44 - 47.
23. Ильин И. П. Интертекстуальность. Западное литературоведение XX века: энциклопедия. – М., 2004. – С. 164.
24. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – Изд. 6 – е. – М., 2007. – 264 с.
25. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Вестник М., 1995. № 1. – С. 97 - 124.

26. Кристева Ю. Жест: практика или коммуникация? // Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. – М., 2004. – С. 114 - 135.
27. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. – М., 2004. – С. 51 - 52.
28. Лобков А. Е. Парадигматика интертекстуальности как взрыв линейности текста (на примере одного восьмистишия Осипа Мандельштама) // Вестник ЮУрГГПУ. – Ч., 2010. – 243 с.
29. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Уч. записки Тартуского гос. ун – та. 1981. Вып. 567. – С. 5 - 6.
30. Мандельштам О. “Камень”. – Л.: Наука, 1990. – 416 с.
31. Мандельштам О. Э. Соч.: в 2 т. – М.: Худ. лит., 1990. – Т. 1. Стихотворения. – 637 с.
32. Мандельштам О. Э. Соч.: в 2 т. – М.: Худ. лит., 1990. – Т. 2. Проза. Переводы. – 659 с.
33. Минц З. Г. Функции реминисценции в поэтике А.Блока // Труды по знаковым системам VI: Сб. науч. статей в честь М. М. Бахтина (к 75-летию со дня рождения). – Тарту, 1973. – С. 387 - 417.
34. Олизько Н. С. Интертекстуальный анализ художественного произведения. – Ч., 2008. – 164 с.
35. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – 613 с.
36. Пронченко С. М. Ономастический аспект лексической структуры художественных текстов О. Мандельштама: функциональный комментарий // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2006. №19. – 6 с.
37. Ревзина О. Г. Лингвистические основы интертекстуальности // Текст. Интертекст. Культура: Материалы междун. науч. конференции. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 60 - 63.
38. Ревякина Т.Л. Эстетическая значимость художественного текста в свете теории интертекстуальности // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – М., 2014. – 5 с.

39. Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама – СПб., 2002 - 240 с.
40. Савченко А.В. Интертекстуальность как характеристика эпохи (на материале романа Й. Шкворецкого “Tankovy prapor”) // II Славистические чтения памяти проф. П.А. Дмитриева и проф. Г.И. Сафронова: Матер. междунар. конф. 12 – 14 сентября 2000 г. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2001. – С. 155 - 157.
41. Смирнов И. П. Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака). – СПб, 1995. – 131 с.
42. Солодуб Ю. П. Интертекстуальность как лингвистическая проблема / Ю. П. Солодуб // Филологические науки. – 2000. № 2. – С. 51 - 57.
43. Становкин П. А. Особенности восприятия интертекстов читателями в стихах О. Э. Мандельштама // Вестник ТГПУ. 2017. №11 – 188 с.
44. Тарановский К. Ф. Концерт на вокзале: К вопросу о контексте и подтексте // О поэзии и поэтике / Сост. М. Л. Гаспарова. – М., 2000. – С. 21-30.
45. Гороп П.Х. Проблема интекста // Текст в тексте. Труды по знаковым системам. – Тарту, 1981. – С. 12 - 32.
46. Тынянов Ю.Н. Литературная эволюция: Избранные труды. – М., 2002. – 496 с.
47. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. – М., 2007. – 280 с.
48. Фатеева Н.А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Изв. АН. Серия литературы и языка. Том 57. – 1998. – №5. – С. 25 - 38.
49. Шкловский В. Б. О теории прозы. – М., 1983. – 382 с.